

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БРЕМЯ ЖИВЫХ

НОВЫЙ
РОМАН АВТОРА
«ОДИССЕЙ
ПОКИДАЕТ ИТАКУ»
И
«ДЫРКА ДЛЯ
ОРДЕНА»!

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Бремя живых

«Звягинцев Станислав»

2004

Звягинцев В. Д.

Бремя живых / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав»,
2004 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 5-699-06820-1

Бои «на том свете», в мире «бокового времени», не проходят даром для их участников. Только Вадиму Ляхову и в меньшей степени Сергею Тарханову удастся сохранить самообладание и разработать план действий, цель которых – вернуться в свою реальность со славой для себя и пользой для Отечества, где, в свою очередь, начинают набирать темп драматические события. Беспорядки в Польше грозят перерасти в Мировую войну, двоевластие в России доживает последние часы, и тем, кто взял на себя ответственность за судьбу страны, предстоит выбор: демократия или монархия, поражение или победа. Времени до часа икс остается все меньше.

ISBN 5-699-06820-1

© Звягинцев В. Д., 2004

© Звягинцев Станислав, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Василий Звягинцев

Бремя живых

*Несите бремя белых —
Пошлите сыновей
В изгнание, на службу
К врагам страны своей.
Несите бремя белых —
Далек покоя миг,
Усталость задушите,
И ропот свой, и крик.
Несите бремя белых.
Все, что свершить смогли вы,
И все, что не смогли,
Пристрастно взвешат люди,
К которым вы пришли.
Редьярд Киплинг, 1892 г.*

Глава 1

После утомительного марш-броска по пересеченной местности маленькая колонна из двух грузовиков и МТЛБ¹ «Тайга» остановилась на привал в виду маленького городка Хасрун, от которого оставалось каких-то сорок километров до портового города Триполи.

Вечерело. Подсвеченная быстро скатывающимся к горизонту солнцем панорама вся, кроме ближайших окрестностей, сливалась в размытую синевато-розовую акварельную дымку. Наподобие театрального задника, исполненного кистью Мане. Или Моне. Ляхов всегда их путал. В общем, того, кто любил рисовать туманы над Темзой.

Горный массив Ливанского хребта начинал отсюда свой спуск к приморским долинам. Не слишком разбитая, шоссированная местным щебнем дорога спускалась вдоль широкого распадка, и уже завиднелись далеко внизу рощи вечнозеленых деревьев, а среди них там и тут крыши то бедных домиков, то вполне приличных коттеджей.

Еще немного – судя по карте, только пересечь долину и подняться на следующий горный отрог – и развернется перспектива бескрайнего моря и небоскребов на его берегу.

Ну, не в полном смысле небоскребов, однако десяти– пятнадцатизэтажные дома в Триполи имелись. Особенно в районе порта. Если сейчас прибавить скорость, прокатиться с ветерком по серпантину, то уже часа через полтора можно добраться до места и разместиться на отдых в любом, самом шикарном отеле по выбору.

Однако Тарханов медлил. Непонятно отчего.

Сидел на краю конической броневой башни, водил биноклем по ближним и дальним окрестностям, поигрывал желваками скул, думая какую-то свою, высокую командирскую думу, а весь личный состав – в количестве четырех человек – толпился рядом.

Над закатным пейзажем сгустилась непонятная тишина, слегка нарушаемая щелчками и потрескиваниями, исходящими от только что заглушенного, перегретого дизеля. Именно что непонятная, поскольку народ тут подобрался разговорчивый, любящий как задавать, так и активно обсуждать даже риторические вопросы. И вдруг...

¹ Многоцелевой транспортер легкобронированный.

Может быть, на каждого по-своему повлияло все случившееся в течение дня – долгий марш по горам, встреча со странным чеченцем, старшим сержантом «Советской армии», его смерть и торопливые похороны.

На Ляхова и Майю вдобавок особое впечатление произвела заметка из израильской газеты на русском языке, в которой сообщалось об очередной приграничной стычке, состоявшейся годом раньше, где пропали без вести два русских офицера с фамилиями Ляхов и Тарханов, теми же инициалами, но несколько другими воинскими званиями. Из чего можно было предположить, что речь шла об их двойниках из параллельной реальности, а можно – что имело место обыкновенное, хотя и редкостное совпадение. Или же – провокация неких тайных, а то и потусторонних сил, преследующих собственные, но вряд ли добрые цели.

Этот странный текст, подчиняясь не совсем понятному, суеверному чувству, они решили пока никому больше не показывать. И без того психологическая атмосфера в их дружном, спаянном коллективе как-то неприметно начинала портиться.

Может быть, все дело в огромной эмоциональной и физической перегрузке. Даже и сильным людям трудно пережить, не сломавшись, все, что с ними случилось за последние дни. Да и весь предыдущий год выдался уж очень непростым. Но как-то выдержали, дотянули, наконец, до отпуска с долгожданными пикниками, рыбалкой, прочими радостями жизни, и на тебе – случилось вдруг такое.²

Известно, что, когда нагрузки на психику становятся невыносимыми, наступает так называемое запредельное торможение. Не хочется уже ничего: ни думать, ни говорить, ни действовать.

А если командир, полковник Тарханов, еще в состоянии руководить и принимать ответственные решения – пусть он это и делает.

– В город не пойдем, – огласил наконец итог своих размышлений Сергей и пояснил: – Скоро стемнеет. Обстановка по-прежнему неясна, источник угрозы неизвестен. Судя по тому, что Гериев даже в агонии пытался предупредить – «гранатомет – хорошо», возможна встреча с вражеской бронетехникой или чем-то подобным. Хотя, чтоб мне век генеральских погон не видать, представить не могу, откуда здесь еще чья-то бронетехника...

Он спрыгнул на землю.

– Короче, в любом случае подставляться нецелесообразно. Знаем, видели... Будем ждать утра. Место для ночевки – здесь.

Тарханов указал на довольно глубокую выемку в откосе слева от дороги, окруженную с трех сторон колючим кустарником. В ней вполне могли поместиться все машины отряда.

Что ж, так, значит, так. Решение командиром принято, спорить или сомневаться оснований нет. Девушки, конечно, слегка загрустили, они уже давно настроились на то, что вскоре примут душ, переоденутся. Может быть, даже прогуляются по городской набережной и лягут спать в нормальных постелях, на чистых простынях. А теперь, значит, опять костер, консервы, спальный мешок, под которым в самый неподходящий момент обязательно вдруг обнаружится удивительно жесткий камень.

Грузовики загнали вглубь, до упора бамперами в откос. Транспортёр, развернув башню в поле, перекрыл въезд на стоянку. Будто вагенбург³ времен среднеазиатских походов Скобелева.

Никакой охранной техники, вроде детекторов массы, тепловизоров или радиолокаторов, на «Тайге» не имелось, и Тарханов, как это делалось в войсках последние пять тысяч лет, назначил часовых, исходя из наличного мужского состава, – дежурства по два часа через четыре.

² См. роман «Билет на ладью Харона».

³ Вагенбург – полевое укрепление из составленных кольцом или квадратом телег, фургонов.

После погрузочных работ, боя (ну, пусть не боя, перестрелки), более чем полусуточного марша всем хотелось только спать. Ужинали наскоро, почти молча, ограничиваясь лишь самыми необходимыми словами.

Смена Ляхова начиналась в час ночи, после дежурства Розенцвейга, и выспаться он вполне успел. То есть Вадим, конечно, с удовольствием придавил бы и еще минут триста, но уже так, в охотку, а чувствовал он себя вполне нормально. Хотя и слегка подзамерз.

Девушки-то ночевали в кузове «Опеля», утеплившись, вдобавок к спальникам, верблюжьими одеялами, а офицеры, чтобы быть в полной боеготовности, ютились на узких откидных скамейках в десантном отсеке «Тайги», рядом с бойницами и башенным пулеметом. А температура ночью в этих горах всегда падала ниже нуля, хотя и ненамного.

Заводить же дизель для обогрева на ночевке любой толковый вояка отучается на первом году службы. Если хочет дожить до следующего утра.

Розенцвейг сдал пост, утрируя повадки адепта⁴ Устава караульной службы:

– Так что позвольте доложить, за время моего дежурства ничего не случилось. Техника в целостности и сохранности, слева горы, справа море, на небе луна в третьей четверти. Выданные в количестве тридцати штук патроны – вот они. Командир спит и во сне время от времени скрипит зубами и нецензурно выражается. Одним словом, бригадный генерал Розенцвейг пост сдал.

– Полковник Половцев пост принял. Не изволите ли, Григорий Львович, коньячку по глоточку, а то дрожь меня чтой-то на ветерке пробирает...

– С нашим удовольствием. Глотнем, перекурим вот тут, за машиной, чтоб не демаскироваться, а то ведь огонь зажигалки за сколько ночью виден, за версту или дальше?

– Зависимо от рельефа местности. Только сомнительно мне, что есть кому этот огонь заметить. От могилы нашего Гериева мы уже полста с лишним километров по прямой проскочили, а по счетчику больше сотни набирается. Мы с вами сейчас как та пуганая ворона, любого куста боимся...

– Рад бы не бояться, только жизнь уж больно наглядно нас последнее время учит. И мой чересчур, к сожалению, обширный опыт подсказывает, что от излишней осторожности куда меньше людей пострадало, чем от противоположной черты характера. В общем, спасибо за угощение, Вадим Петрович, пойду-ка я свои пару-тройку часиков доберу, а там уже и утро.

Ляхов остался один.

Два длинных глотка выдержанного французского коньяка и крепкая турецкая сигарета окончательно прогнали сон.

Тишина воцарилась вокруг оглушительная, как только Розенцвейг закончил возиться внутри транспортера. Почти полная луна освещала дорогу, создавая декорацию совершенно лермонтовскую: «...кремнистый путь блестит... пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит».

Ежели б не все привходящие обстоятельства, чего сейчас не радоваться жизни, не любоваться освещенным призрачным светом библейским пейзажем, не рисовать в уме план дальнейших скитаний по необъятной земле, лежащей вокруг?

Он вправе выбирать свой путь, по крайней мере, в течение ближайшего полугода. Впервые в жизни Вадим лично свободен, и рядом с ним, кроме надежных друзей – очаровательная женщина, интереснее и эффектнее, чем любая из его предыдущих подруг и приятельниц. (Хотя, как говорил один неглупый товарищ, свобода с женщиной – это все равно, что свобода передвижения, если тебя привяжут к паровозу.) Ну да бог с ним, армейским остряком, Майя

⁴ Адепт – ревностный сторонник какого-либо учения, идеи.

свободы Ляхова пока не ограничивала сверх той меры, на которую явно или неявно соглашался он сам.

Сейчас же он чувствовал ограничители, вроде бы внутренние, то есть не слишком обязательные, но на самом деле куда более жесткие, чем любые, действующие извне.

А именно?

Ляхов забрался на несколько метров вверх по откосу, устроился в тени куста с плотными кожистыми листьями, на ощупь будто смазанными парафином, оперся спиной о плоский кусок песчаника, еще хранивший, казалось, остатки солнечного тепла. С этой позиции ему виден был и порядочный кусок дороги выше и ниже стоянки, и вся техника, и противоположный склон, гораздо более пологий, откуда мог бы подобраться гипотетический враг.

Но врагом и не пахло, в буквальном и переносном смысле.

Вадим, слегка манкируя⁵ уставом, опять закурил в рукав, пуская дым между коленями, на которых лежал взведенный автомат.

«Я отчего-то не очень люблю усложненные ситуации», – иногда он, в соответствующем настроении или когда обстановка требовала предельной ясности, начинал думать не смесью образов, эмоций и обрывков фраз, как это делает большинство людей, а четким и связным текстом, который сразу, без заминок и поисков нужного слова, можно было бы диктовать стенографистке. За неимением таковой он укладывал свой внутренний монолог в специально отведенную ячейку памяти. Откуда мог его извлечь в неповрежденном виде и через месяц, и через год.

«И вообще привык, что в каждый данный момент человек должен решать одну проблему. Почему мне и нравилось больше всего работать гражданским врачом на станции «Скорой помощи». Там уж точно – в каждый конкретный момент проблема только одна. Получил вызов, поехал, не важно, зимой или летом, по асфальтированной улице в центре города или по занесенному снегом проселку в отдаленную деревню. Важно главное: пока не сделал это дело (любой сложности) – другого не возникнет. Ну, если только по пути не попадется случайно сбитый машиной пешеход или не вынесут к обочине внезапную рожищу.

Сделаешь, что нужно, и до следующего вызова снова свободен. Довез пациента живым до больницы, сдал в приемный покой – твой долг исполнен. И, в отличие от обычного врача, можешь больше о судьбе больного не заботиться. Если уж только совсем какой-то особенный случай подвернется...

Однако предпочел столь приятную и «спокойную» жизнь сначала хлопотной должности военного врача, а потом и слушателя Дипломатической академии. Ради чего? Следуя принципу: «Всякий человек настойчиво стремится к пределу своей некомпетентности»? Ну вот, ты его, кажется, достиг.

Обстановка для меня до предела непонятная и как минимум дискомфортная. В совершенно антисанитарных условиях приходится думать сразу о трех проблемах, и каждая – весьма жизненно важная. В том смысле, что если я во всем происходящем разберусь, то, наверное, сумею сделать правильные выводы и дальше жить, как подобает белому человеку.

Проблема первая: как мы сюда попали и как выбираться в нормальный, человеческий мир?

Оставаясь реалистом, думать об этом, по большому счету, сейчас просто незачем. Поскольку, что бы я ни придумал, реального значения это не имеет, так как проверить свои гипотезы до возвращения домой нет никакой возможности. Вернуться же либо удастся, либо нет. Посему следует эту страничку перелистнуть, оставив закладку, и думать дальше.

Проблема вторая: что такое Татьяна? Вроде бы мелочь, ну, девушка и девушка. По-своему странная, живущая по собственному плану.

⁵ Манкировать – небрежно относиться, пренебрегать чем-либо (фр.).

Здесь надлежит, не подавая вида и никак не форсируя событий, просто наблюдать, слушать и сопоставлять факты, пока очередной (не имею понятия, какой именно) ее поступок не прояснит ситуацию. Поскольку заслуживающих внимания гипотез только две. Или Татьяна обычная девушка, попавшая в необычные условия и ведущая себя в меру своего разума, а все странности в ее поведении – кажущиеся в силу моего болезненно развитого воображения и глупой подозрительности.

Или она же – агент (вариант – посланец вольный или невольный) ТОГО, кого мы с Майей днем вообразили и кому приписали режиссуру данной истории. Демиурга, допустим, хотя демиург – не менее сомнительная должность, чем обычный командир батальона. По всем признакам – большой начальник, а на деле – никто. Сверху зависишь от командира полка, снизу – от ротных, сам же, по сути, тот самый ноль без палочки.

Проблема третья: кто я вообще такой и какое отношение имею к себе самому или к тому человеку, о котором написано в еврейской газетке?

Остальное не слишком существенно, поскольку является просто набором производных от всего предыдущего. Как и любая человеческая жизнь. Обычная жизнь, я имею в виду, жизнь человека, не склонного к такой дурацкой привычке, как рефлексии. Естественно, кому в здравом уме придет в голову задавать вопросы типа: «Я в этот мир пришел, иначе стал ли он? Уйду, великий ли потерпит он урон?»

Ага!

Оттого и сейчас мне поговорить о волнующих вещах не с кем, разве что с Майей, а по-серьезному – и с ней незачем. То есть в ходе своих размышлений я пришел к самому естественному для большинства «нормальных людей» выводу. Не забивай себе голову вещами, в которых ты ничего не смыслишь и повлиять на которые не имеешь ни малейшей возможности. То есть живи, как живется.

И того же Тарханова с Розенцвейгом такими вопросами не обременяй. Захотят – сами скажут или спросят, нет – дай им бог здоровья.

Сократа бы мне в собеседники, вот с ним мыслью потешиться... Но Сократа рядом нет и не предвидится, отравили его за излишнюю склонность к словоблудию, посему придется разбираться самому.

Любой партнер способен только запутать ситуацию серией собственных домыслов. В том числе и Майя. Хотя порассуждали мы с ней славно.

Но я решил совершенно здраво, когда сказал ей после прочтения заметки: «Никому ничего пока говорить и показывать не будем. Поехали, а то командир волноваться станет».

Майя не поняла, почему я не захотел, чтобы о факте потрясающего совпадения между нашей историей и случившимся год назад с офицерами, носящими наши имена и фамилии, узнал хотя бы мой ближайший друг. Лицо, что ни говори, заинтересованное! Не говоря уже о Розенцвейге – человеке тертом, эрудированном, с громадным, нам и не снилось, жизненным опытом борьбы и выживания в среде, гораздо более агрессивной, чем соляная кислота. И при этом веселом и способном на глубокие умозаключения.

– Ничего особенно интересного во всем этом не вижу, – ответил я. – Разумного объяснения все равно не предложишь. Мы с тобой прочитали – и ладно. Зачем людям мозги засорять? Сергей человек обстоятельный, реалист и рационалист. Начнет задумываться, в меланхолию впадет... Пользы ему от подобной информации все равно никакой, потому что в немедленные действия ее нельзя воплотить, а вред быть может. Пусть даже и правда все это.

Ты посуди сама. Ну, жили в том мире наши двойники, с теми же фамилиями, погонами и профессиями, служили в том же самом месте, ввязались в один и тот же бой. Потом пропали без вести. Я согласен допустить даже, что это именно мы пропали там и появились здесь. Только возникает вопрос – что и где мы делали целый год? Были похищены инопланетянами, проходили курс спецподготовки и приспособления к новой реальности?

– А что, если наоборот, если они эту реальность к вашему приходу приспособливали? – с замирающим от сладкого ужаса сердцем предположила Майя. – Представляешь, как здорово! Ровно год им потребовался, чтобы кропотливейшим образом создать ваши новые биографии, внедрить в память сотен людей все необходимые сведения о встречах с вами, все задокументировать, изготовить фотографии, письма...

– Здорово, – согласился я с Майей. – Только зачем? – При этом сама идея показалась мне достаточно безумной, чтобы претендовать на истинность. На самом деле, стоит только допустить присутствие в мире, в нашем конкретном или шире – во всей так называемой Галактике или даже Вселенной, сил, не богов даже, а просто существ во плоти и крови (пусть и зеленой), превосходящих нас интеллектуально или технически не так, чтобы и очень. Ну, как мы в сравнении с кроманьонцем времен раннего неолита... И даже в этом варианте сколько всяких сверхъестественных чудес и фокусов могли бы мы исполнить, к священному восторгу нашего отдаленного предка!

– Как это зачем? Чтобы с вашей помощью захватить власть над Землей!

– Не сходится, – с сожалением вздохнул я. Сама по себе игра (а только ли игра?) мне нравилась. И Майя как раз подходящий партнер для интеллектуальных упражнений.

– Сложно очень и бессмысленно. Если они в состоянии таким образом замотивировать появление в мире двух новых персонажей, то с гораздо меньшими затратами могли бы перепрограммировать любое количество исходных, коренных жителей. Которым не нужно придумывать биографий и легенд.

Но если все же допустить – мы с Сергеем на самом деле не более чем специально сконструированные аналоги тех Тарханова и Ляхова, и не более того? Тогда вопрос остается. Зачем? Зачем копировать именно нас? Чем мы принципиально отличаемся от прочих шести миллиардов людей? В чем функция, которую способны исполнить только именно вот эти артефакты, обязанные прикидываться такими, и только такими людьми? Не проще ли допустить, что параллельный мир просто существует, и все. Примем как данность. В чем-то он чрезвычайно нам близок, в чем-то – далек. Возможно, там и твоя копия есть, и многих других, лично нам знакомых людей, тоже. И в силу невероятного совпадения, в какой-то момент они и мы оказались в одной точке пространства и времени.

Наложились, если угодно, друг на друга. Случилось нечто вроде короткого замыкания, пробоя между соседними витками обмотки трансформатора, который все остальные восприняли как взрыв. А может быть, взрыв на самом деле был. Аннигиляция. Те ребята испарились, а мы выжили.

И этим взрывом миры вновь разнесло в стороны. Не только в пространстве, но и во времени. Отсюда и разница в целый год... – Я похлопал пальцем по карману, где лежало единственное материальное подтверждение этой гипотезы.

– Возможно, – кивнула Майя. – Только моя версия интереснее. И отчего, в таком случае, ровно через год, по времени этого мира, не нашего, вы снова оказались в том же самом месте? День в день совпали так называемые реальности.

Майя, как я помню этот разговор, выглядела азартно-возбужденной, но при этом вполне нормальной, адекватной положению, в которое мы с ней попали. Ответы возникали в моей голове практически мгновенно. Да такие убедительные, почти непротиворечивые.

– А эти миры, они – как теннисные мячики. Ударился, отскочил, снова вернулся в ту же точку, но уже с несколько меньшей энергией и амплитудой. Отсюда и некоторая разница. Ты обратила внимание: ведь не точно в первое января мы попали, а недели на две позже...

– Значит, следующее столкновение произойдет в будущем году, но уже феврале, марте и так далее?

– Вот это – не могу знать. Сюда б Максима Бубнова или Маштакова-профессора, они бы в два счета амплитуду вычислили. Но главное, не размах амплитуды, главное – совсем другое, –

продолжал я импровизировать. И в некий момент мне показалось, что не шутильной болтовней с подругой занимаюсь, а делаю нечто очень важное. Может быть, именно то, ради чего все и было затеяно неведомо кем.

Какой-то философ позапрошлого века писал: «Человеческий разум есть инструмент, с помощью которого материя познает самое себя». Так или приблизительно так.

– Знаешь, Май, я что подумал? Если мы, совершенно неподготовленные люди, так здорово вдруг начали разбираться в тайнах мироздания, буквально за несколько дней, располагая только обрывками фактов, так кто-то же ведь наверняка занимается тем же профессионально не один год и, может быть, не один век. В нашем мире, в другом или в третьем. Имея теорию, чертову уйму экспериментального материала...

– И сейчас он экспериментирует над нами? – догадалась подруга.

– Над нами или над судьбами вселенных, а мы так, песчинки, попавшие в часовой механизм, или...

– Или дрожжевые грибки – в молоко!

– Это зверски тонко, – не мог не признать я совершенно искренне. Очень четко придуманный ею образ ложился на общую картину случившегося.

Случайно мы с Тархановым оказались втянуты в историю тем ярким новогодним утром или некая сила сознательно избрала нас для особой миссии – дело темное. Но вполне очевидно – с того момента, как прозвучал первый выстрел на перевале, «молоко» начало превращаться в какой-то другой продукт.

И пока ехали до самого этого привала, с помощью Майи я восстанавливал и выстраивал заново всю цепочку событий в свете приоткрывшейся нам истины. Как дети, выкладывающие мозаику, мы веселились и радовались, если удавалось приспособить к месту вроде бы незначительный с виду факт, найти аналогию между событиями, якобы только что не имевшими между собой никакой связи.

И попутно начали, тоже вроде бы в шутку, придумывать характер и облик того, кто руководил нашими судьбами и вообще событиями мировой истории все последнее время. Но это, конечно, был уже чистый цирк, способ и повод уйти от пугающей серьезности фактов.

А вот сейчас вдруг, как-то враз, меня осенило. Не треп у нас с ней происходил, не досужие фантазии от скуки. Так оно все и обстоит на самом деле.

Строго в рамках уже намеченной гипотезы исследования. Спорить с тем, что двойники наши (или аналоги, как угодно) имели место, было глупо. Поскольку существует параллельный мир, а он существует, что подтверждается теорией Маштакова, двумя умозрительными (или – нет?) проникновениями туда Тарханова и нынешним полноразмерным экспериментом, в ходе которого мы стали обладателями действующих образцов чужой техники, обмундирования, продовольствия, прессы и всего такого прочего.

Включая сначала какое-то время живого, а потом сразу мертвого Руслана Гериева с его «Военным билетом», обретались там и капитан Ляхов за компанию с майором Тархановым. И чеченец меня там видел, и неведомый израильский газетчик факт боя подтвердил. Да ведь я и сам все это понимал практически с самого начала. И даже вслух и Сергею, и Розенцвейгу почти впрямую это говорил. Мол, и интуиция у меня появилась, которой раньше не было, и вспоминаем мы то и дело что-то из не нашей истории, включая никому не известную, никогда не бывшую «Вторую мировую войну», и, похоже, даже как-то на внешние по отношению к нам события воздействовать можем.

Тарханов, к примеру, сам признался, что Татьяну свою то ли случайно встретил, то ли как бы воображением визуализировал и материализовал...

Говорили, говорили мы об этом, еще прошлой зимой в Москве с Сергеем говорили, а вот последние сутки словно память отшибло. Будто враз все ранее случившееся ушло куда-то, растворилось, подобно забытому через секунду после пробуждения сну.

Отчего я так Майиной газетке поразился, будто откровение какое на меня снизошло, а потом вдруг фантазировать начал, как пацан бессмысленный?»

Ляхов действительно чувствовал себя не то ошеломленным (в буквальном смысле слова – ударенным мечом или булавой по шлему), не то контуженным. Медленно выплывающим из тумана полубеспамятства.

Никаким механическим воздействиям он за последние сутки не подвергался, химическим, пожалуй, тоже. Кроме определенной дозы спиртного. Но ведь давно известно: алкоголь в умеренных дозах полезен в любых количествах. И скорее способствует обострению мысли, чем наоборот.

Кстати – его собутыльники никаких неприятных или странных ощущений вроде бы не испытывали. Хотя – кто их тестировал? Если человек сохраняет способность без промаха бить из автомата и вести машину – это еще не значит, что он полностью здоров и адекватен. Тогда, может быть, воздействие пресловутого хронополя? В сочетании со ставшими ему вдруг известными фактами?

Конкретно предположим – никуда их двойники не аннигилировали. Те самые Тарханов и Ляхов, жившие и служившие в ином измерении, на самом деле полностью наложились на своих аналогов здесь (или – там) под воздействием пространственно-временного совпадения плюс удара посредством «Гнева Аллаха». Как там в физике или математике это называется, конгруэнция?⁶

«А уж отчего ведущими в данном гибриде стали именно наши, а не их личности... Это к Маштакову вопрос, не ко мне. Или психика наша с Сергеем оказалась сильнее, или просто таковы свойства хронополя, что реципиентами оказались именно мы. В случае если бы наоборот, данный вопрос задавал бы просто другой Вадим Ляхов в своем коммунистическом мире другому Тарханову. А меня бы это никаким краем не интересовало, как не интересуют мои проблемы моего нерожденного младшего брата».

Вадим почувствовал, что его заносит слишком уж далеко.

То есть думать о подобных парадоксах естествознания можно, но следует либо не придавать им самодовлеющего⁷ значения, либо заниматься оными в келье православного схимника или в буддийском монастыре. В реальном же мире нужно просто жить и исполнять свои обязанности. Кем бы тебе ни довелось быть в предыдущей или в параллельной реинкарнации.

Утомленный собственными мудрствованиями, Вадим посмотрел на светящийся циферблат армейского «Павла Буре».

Срок его караула заканчивался, два часа пролетели совершенно незаметно, разве только ноги затекли и спина замерзла.

Увлеченный трансцендентного⁸ плана теориями, он, грубо нарушив устав, не удосужился хоть раз обойти по периметру вверенную территорию. Но все равно ведь ничего за это время не случилось, и свободно можно позволить себе еще пару глотков из фляжки. Исключительно для поддержания физического и нравственного здоровья.

Пора было будить Сергея, а зачем, собственно? Сна ни в одном глазу, минут через сорок начнет рассветать, так чего же не дотянуть до утра? Пока дровишек подсобрать, костер распалить, воды для чая-кофея согреть...

Закинув автомат за спину, Ляхов пошел вокруг лагеря по расширяющейся спирали, подсвечивая под ноги фонариком в поисках подходящих сучьев и хвороста.

⁶ Конгруэнция – совмещение предметов или фигур при наложении (лат.).

⁷ Самодовлеющий – самодостаточный. Автор считает своим долгом указать, что вопреки распространенной практике словоупотребления «довлеть» по-русски означает – «быть достаточным». Отнюдь не «давить» или «нависать»!

⁸ Трансцендентный – выходящий за пределы рассудка, жизненного опыта (лат.).

Глава 2

Какой-то неприятный шорох послышался Вадиму, когда, обойдя расположение по широкой дуге, он перешел на правую сторону дороги. Даже здесь, почти в субтропиках, зимними ночами высокая трава успевала схватиться морозцем, поэтому под ветром шелестела жестко и тревожно. А уж если по ней идти... Пусть очень осторожно, индейским шагом, в мягких мокалинах, все равно.

Как уже было ранее сказано, любой в меру способный человек за время службы в Экспедиционном корпусе мог научиться многому. Вадим же Ляхов, боец с врожденными способностями, свирепо тренированный зверюгами-вахмистрами на летних лагерных сборах в Академии (где не все и строевые офицеры выдерживали), получив зачет с отличием, немногим уступал в боевой подготовке кадровым горным егерям второго-третьего года службы. Пусть и не поднялся до тархановского класса.

Но то, что выжить в «суровом и яростном мире» можно, только умея реагировать на изменение ситуации на подкорковом уровне, он усвоил. Это официально признали все работавшие с ним инструкторы, выставив блестящие или близкие к ним оценки. Потому и мысль о присутствии «чужих и страшных», которых вспоминал сержант Гериев в том состоянии, когда уже не врут, сидела в нем глубоко. Как и предупреждение, что выстрелов из винтовки «чужие» боятся, а пистолет, например, их «не берет».

С собой у Ляхова был как раз пистолет-пулемет слабенького останавливающего действия, поэтому он, присев, начал осторожно оттягиваться к МТЛБ, где оружия более подходящего типа и калибра было достаточно. Включая четырнадцатимиллиметровый башенный пулемет.

Двигался он легко, подобно бегущему за отливной волной крабу, сторожко слушая нарастающий шум, который, окончательно, не мог быть не чем иным, как звуком многих десятков, а то и сотен ног, шагающих нагло и ничего не опасаясь. Рота идет, если не две.

Тресь-тресь, хрум-хрум...

Страшно ему вдруг стало до чрезвычайности. Куда страшнее, чем даже перед боем на перевале. Во время самого боя страшно почти не было, потому что некогда под огнем бояться. Там дело делать надо. А вот сейчас жутко. Ну, прямо как в детстве, слушая страшилки у скаутского костра. Потому ведь, что совершенно непонятно, что там такое надвигается на тебя из темноты и, главное, как от него можно оборониться.

Глазами он не видел пока ничего, поскольку луна уже давно свалилась за горизонт и предрассветная тьма сгустилась до чрезвычайности. А прибор ночного видения, имевшийся в снаряжении машины, он захватить просто не догадался. Но все ж таки на расстоянии нескольких десятков метров по прямой мрак был заметно плотнее, чем левее и правее.

Интересно, что лучше – начать стрелять прямо сейчас, подняв звуками выстрелов товарищей и дав им время подготовиться к бою, или самому добраться до пулемета, оставив возможного противника в неведении о готовности объекта атаки к сопротивлению?

Вадим выбрал второе.

Даже полный магазин выпущенных наудачу пистолетных пуль врага вряд ли остановит. Двух-трех убьешь, столько же ранишь, остальные рассеются, залягут. А если имеют, из чего ответить, тут тебе и конец. Причем зряшный. Тарханов с Розенцвейгом за несколько секунд вряд ли смогут от сна воспрянуть, в обстановке сориентироваться, позицию занять и конкретно его от неведомого врага прицельной стрельбой отсечь. Нет уж, парень, сам себе ты предоставлен, делай что можешь, а там...

Меж тем темная вражеская масса приближалась быстрее, чем хотелось Ляхову.

Хорошо хоть, никаких моральных и тактических сомнений Вадим не испытывал. Сразу стрелять, мол, в неизвестно зачем здесь гуляющие личности или сначала предложить поговорить, уточнить позиции. Жизнь научила этакому нравственному релятивизму.

Грубо говоря – у каждого свои проблемы. По мне – хорошие люди по ночам толпами к другим хорошим людям не подкрадываются. Нужно вам от меня что-то – высылайте парламентаров, излагайте вопросы или претензии. Тем более что нормального биоценоза, включая разумных обитателей, этот мир не предполагал по определению. А вот предупреждение о присутствии в нем нешуточной, пусть и неназванной, опасности имелось.

Спиной Вадим чувствовал, что до «Тайги» оставалось метров десять. До хрустящей травой и щебенкой толпы, которая начинала приобретать оформленные очертания, – ненамного больше. И никаких признаков, что эта масса, распространяющая вокруг себя ощутимую ауру угрозы, разумна.

Ляхов, будучи медиком, значит, в какой-то степени и биологом, да еще, как известно читателю, обладая некоторыми, не вполне проясненными паранормальными способностями, воспринял выходящими за пределы обычных пяти чувств рецепторами, что на него надвигается нечто вроде колонии микроорганизмов, или амёб, но никак не группа отдельных разумных особей.

За стеной мрака шевелилось нечто, слитое воедино бессмысленным, однако крайне агрессивным влечением. Даже поток огненных муравьев из южноамериканской сельвы ощущался бы как-то иначе. Понятнее, если угодно.

Вот Вадим уже коснулся спиной острых гребней гусеничных траков. Но надо ведь еще успеть повернуться, подпрыгнуть, нащупать руками десантные скобы и край башенного люка, скользнуть в него ногами вниз. И ухитриться в темноте не ткнуться копчиком в казенник пулемета или любую торчащую железяку. Только после этого...

Нет, не успеть!

А умирать не хотелось, хотя накатывающаяся на Ляхова волна холодного ужаса путала мысли и деформировала волю гораздо сильнее, чем когда-то толпа феодалов на перевале. Неудержимо тянуло сдаться, забыть себя, распластаться на земле, и черт с ним со всем, что случится дальше. Примерно так не слишком опытный, а главное – слабохарактерный водитель в острой ситуации бросает руль и закрывает голову руками, когда вывернуться еще свободно можно. И даже с запасом.

Характера Вадиму было не занимать, и бойцовские рефлексy тоже действовали, отчего единственно, наверное, верное решение пришло помимо разума.

Рывком взлетая на башню, из просторного кармана на правом бедре он одновременно выхватил круглую гранату в металлокерамической рубашке, насеченной на сотню убойных ромбиков, зубами выдернул чеку. Слава богу, взрыватель был заранее установлен не на время, а на удар. Швырнул, замахом из-под плеча, целясь как раз в границу просто темноты, и темноты абсолютной. И тут же следом – вторую, чтобы – наверняка. Секунды до взрыва как раз хватило. Он распластался на огороженной низкими броневыми бортиками крыше боевого отделения.

Полыхнуло ослепительным желтым пламенем, ударило волной горячего воздуха, над головой пронесли срикошетировавшие от наклонных стальных листов и конуса башни осколки.

А вот положенной реакции со стороны нападающих не донеслось. Ни испуганных криков, ни возгласов боли – ничего. Хотя ударная волна и туча разлетающихся на две сотни метров осколков непременно нанесла бы столько ранений и травм, что глас вопиющих достиг бы не только ушей Вадима, но и самого неба. Но уж в эти психологические тонкости Ляхову вникать было совершенно недосуг. Выиграл момент – и спасибо.

В узкий люк он провалился рекордно быстро, тяжелая крышка захлопнулась на пружинах, не прихватив пальцев и не достав по затылку, что нередко случалось с бойцами даже и в менее острых ситуациях. При свете бледно-синей контрольной лампочки Вадим с лета поймал

изогнутые рычаги пулемета и попутно щелкнул тумблером сдвоенного башенного прожектора. Сто тысяч свечей галогенового света невыносимой яркости столбом легли на древнюю палестинскую землю.

Упершись бровями в губчатую резиновую рамку прицела, Ляхов увидел через мгновенно затемнившуюся оптику картинку, одновременно страшную и удивительную. Более всего она походила на посещавшие его время от времени ночные кошмары, связанные с воспоминаниями о сортировочной площадке полкового медицинского пункта – как она выглядит во время тяжелого оборонительного сражения.

Когда раненых подвозят и подвозят, а врачей из штатных четырех в лучшем случае два, и уже фельдшера ставишь к перевязочному столу, хотя у него совсем другие обязанности. А сам – то работаешь по специальности, то мечешься от телефона до въездного шлагбаума, откуда видно полевую дорогу. Смотришь, скрипя зубами и давясь табачным дымом (больше ведь покурить тоже некогда), в безнадежно пустую даль. Бессмысленно материшься на своих санитаров и санинструкторов, поминая попутно начальника медсанбата, зампотыла и зампотеха⁹ дивизии, всех на свете шоферов и господ бога в его трех лицах.

А потом, торопясь к перевязочному столу, опять видишь раненых бойцов, стонущих, плачущих и умоляющих о спасении. Жить они хотят, и каждый пытается в те несколько секунд, пока ты пробегаешь мимо, объяснить, почему именно ему это совершенно необходимо. А шокковые молчат, погруженные в себя, но от этого не легче. И рвешь себе душу, понимая, что помочь сможешь едва ли каждому третьему-пятому, а остальные, которые вполне могли выжить, если бы только вовремя подошли машины из медсанбата и госпиталя (а их все нет и нет, и вовремя уже точно не будет), умрут. И, значит, нужно вытягивать только тех, кому можно помочь именно сейчас, а прочих придется оставить умирать просто потому, что ни рук, ни сил, ни жалких собственных ресурсов на них не хватит.

Вот и сейчас, казалось, восстав со своих носилок, на которых Ляхов приказывал отнести их в тень ближайших деревьев, чтобы, получив свою дозу промедола или морфия, они могли отправиться в «страну удачной охоты» без лишних физических и нравственных мучений, не дождавшиеся помощи солдаты шли к нему.

Сотни людей, одетых в рваную, грязную униформу бог знает каких армий, со следами всех мыслимых ранений окружили вход в лощину и начали втягиваться в нее в тяжелом молчании. Многие из них были вооружены разнообразными видами легкого стрелкового оружия – навскидку и не поймешь, какого именно, но разного...

Одни держали его как следует, стволом вперед, прикладом к себе, вроде бы готовые к стрельбе. Другие – ровно наоборот. Кто-то тащил винтовки и автоматы на плечах, как лопаты, иные просто волокли их за ремни по земле, отнюдь не озабоченные общепринятыми правилами эксплуатации и сбережения оружия. Но много было и совсем безоружных.

Короче, Босх и Дали отдыхают.

Удивительным было еще и то, что бьющий в глаза то ли призракам, то ли зомби прожекторный свет не заставлял их даже поморщиться, хотя нормальному человеку способен был на таком расстоянии выжечь глаза.

Трудно сказать, подумал ли Вадим о чем-то рациональном (а возможно ли это вообще за пару секунд?) или двигал им исключительно мистический страх, а скорее всего – те же солдатские рефлексy, но он одновременно на правой рукоятке КПДТ¹⁰ вдавил гашетку электропуска, а на левой – микрометрического хода башни.

⁹ Заместители командира дивизии по тылу и по технике, в распоряжении которых находятся обеспечивающие медслужбу подразделения.

¹⁰ КПДТ – крупнокалиберный пулемет Дегтярева танковый.

Никому не пожелал бы наблюдать, как работает тяжелый пулемет по сплошной массе людей с дистанции в двадцать метров.

Хорошо отбитая и отточенная коса кладет траву ровненько и бесшумно, а здесь приемник со страшным грохотом втягивал в себя стальную ленту с патронами размером почти в городошную чурку, а через долю секунды тяжелые трассирующие пули разбрасывали по стононам руки, ноги, головы, прочие фрагменты того, что только что было человеческими телами.

И машина трясется и дергается, и пороховой дым бьет в нос и глаза из казенника.

Вадим не мог и не собирался считать, сколько секунд потребовалось Тарханову, чтобы проснуться, перебросить тело из десантного отсека через спинку водительского сиденья, завести дизель, глянув в триплекс, оценить обстановку и бросить транспортер вперед. Но, наверное, не больше десяти, судя по первой поступившей команде.

– Отставить огонь, «ствол» сожжешь! – едва разобрал Ляхов сквозь рев и грохот надсаженный голос товарища. – Шлемофон надень!

Команда прозвучала вовремя, еще чуть-чуть, и пулемету пришел бы конец. Из приемника торчал жалкий хвостик ленты, патронов на десять. Просто чудо, что «ствол» не потек гораздо раньше. Наверное, изготовлен был из особого жаропрочного металла, а вернее – ленту в коробку прежние владельцы заправили укороченную, из трех звеньев, а то и двух.

Пока Ляхов натягивал шлем и включался в ТПУ¹¹, Тарханов бросил транспортер вперед, на полном газу и второй передаче. Броневая машина прошла остатки ужасной толпы насквозь и теперь, развернувшись, металась по дороге, сгребала и отбрасывала ещедвигающиеся тела в кюветы и на прилегающее плато. Полковник, вряд ли успев толком понять, что именно происходит, словно боевой робот, выполнял одну из заложенных в него программ. «Отражение внезапной атаки больших масс пехоты на огневую позицию».

Люди, романтически настроенные, эрудированные, но не слишком знакомые с сутью дела, считают, что стратегия и тактика – занятия по преимуществу творческие, и побеждают там гении комбинаторики. Ну, как Капабланка¹² в шахматах. На самом же деле чаще выигрывает, условно выражаясь, Ласкер¹³. Тот, кто наизусть подкоркой и спинным мозгом затвердил все партии, ранее сыгранные предшественниками, великими и не слишком. На десять ходов вперед знает, что делать в той или иной позиции, и двигает фигуры автоматически, не тратя мыслей и нервов попусту. И лишь когда настанет нужный момент, включает творческое мышление.

Для чего и заучивают в военных училищах и академиях Боевые Уставы и многотомный труд «Тактика в боевых примерах». Именно наизусть. Чтобы в условиях, когда думать некогда, не тратьте время и силы на изобретение велосипеда.

Тарханов виртуозно работал рычагами и педалями, «Тайга» то бросалась вперед, то крутилась на месте, и Ляхову, которого швыряло силами инерции от борта к борту, и только вовремя надетый шлемофон спасал голову от травм, несовместимых с жизнью, казалось, что он слышит громкий хруст и треск костей, сочное чмокание раздавливаемой плоти и вопли ужаса.

Что, конечно, было иллюзией. Семисотсильный дизель, разделяющий места командира и водителя, ревет так, что и попадание вражеского снаряда в броню можно угадать скорее по сотрясению корпуса, а уж услышать, что творится за бортом, совершенно нереально.

Сзади, через спинку сиденья, в отсек просунулась голова Розенцвейга, который уже совершенно ничего не понимал.

Ляхов пальцем указал ему на командирскую башенку с перископом кругового обзора и на висящую рядом гарнитуру переговорного устройства.

¹¹ ТПУ – танковое переговорное устройство.

¹² Капабланка, Хосе Рауль – чемпион мира по шахматам (1921—27 гг.), гений комбинационной игры.

¹³ Ласкер, Эммануил – чемпион мира по шахматам (1894—1921 гг.), доктор философии, основатель позиционной школы.

Закончилось все достаточно быстро. Стрелять уже было практически не в кого. Кем бы ни оказались нападавшие, что-то вроде разума или хотя бы инстинкта самосохранения, который даже муху заставляет улетать подальше от мухобойки, у них наличествовало, и та часть «войска», которая не попала под гусеницы и пулеметный огонь, осознав тщету своей акции, рассеялась во мраке за пределами досягаемости прожекторов.

– Н-ну, бля!.. – выдохнул Тарханов, задним ходом возвращая транспортер на исходную позицию. Заглушил дизель, стянул с головы шлем, вытер рукавом мокрое от пота, выбитого нервным напряжением, лицо.

– Н-ну, – повторил он, и хоть не служил на флоте, но выдал загиб, что и не всякий забор выдержит. – Это ж оно что получается? Не сбрыхал чечен?

– Выходит, что так, – согласился не менее возбужденный Ляхов. – И страшные они, правду сказал, и что пистолетной пулей их вряд ли возьмешь. Лично я пробовать не стал...

– Он еще говорил – «тоже стреляли». Эти – не стреляли, – память у Тарханова была, похоже, абсолютная. Как и у самого Ляхова.

– Но кто они? – вмешался в разговор Розенцвейг, который успел увидеть в оптику не слишком много, однако для незабываемых впечатлений – достаточно.

– Будем разбираться, – ответил Вадим, понимая, что разбираться придется именно ему. – А вы девчат успокойте, ну и... По обстановке, значит.

– Только далеко от машины не отходи.

– Да уж воздержусь...

Отойти от транспортера дальше досягаемости светового луча не заставила бы его почти никакая сила на свете. Запрыгивая в «Тайгу», Ляхов бросил свое оружие наружу, и сделано это было по обстановке правильно, но теперь вылезать наружу с голыми руками было неуютно.

Хорошо, в отсеке имелся настоящий штурмкарabin, немецкий «МП-44», под мощный промежуточный патрон, с подствольным гранатометом – оружие самообороны экипажа, а к нему укладка из шести ребристых магазинов и двух десятков осколочных и противотанковых гранат.

...Такого смрада Вадим давненько не ощущал. Запашок, сравнимый с тем, что присутствует при эксгумации солнечным августовским днем недавних братских могил. Не зная об аналогичном, но куда менее масштабном приключении коллеги Максима, Ляхов тоже был поражен фактом так называемого «ураганного гниения» вроде бы обычной человеческой плоти.

Пока еще не догадываясь ни о чем сверхъестественном, Вадим, на уровне мышления обычного человека, вообразил, будто действительно столкнулся с толпой беглецов из концлагеря или каких-то лечившихся в тайном госпитале палестинских или иных террористов. Сопратников и соотечественников сержанта Гериева.

Ладно, раненых, битых, получивших плохую или вообще никакую медицинскую помощь. С похожими случаями ему приходилось знакомиться при изучении тридцатитомного «Опыта российской медицины в Мировой и последующих войнах», являвшегося чуть ли не библией для студентов медицинского военфака.

Однако сейчас...

Ладно, не будем фиксировать внимание неподготовленных читателей на неаппетитных деталях. Все равно ничего подобного большинству из вас увидеть не придется. И слава богу.

Процентов семьдесят трупов и их обрывков, через которые приходилось Ляхову переступать, были не сегодняшнего происхождения. То есть не им приведенные в данное состояние. Некоторые выглядели чуть посвежее других, но все равно убиты они были не десять минут назад. А как минимум вчера-позавчера. И ранее. Даже те, по которым прокатились гусеницы транспортера, представляли собой печальное, но не трагическое зрелище.

Нет, о случившемся еще надо думать и думать. Но без надрыва. Мир, куда им довелось попасть, обладал собственными свойствами, иногда неприятными, иногда непереносимыми, однако здесь – объективными.

А значит, чтобы ухитриться выжить, требовалось хоть как-то его понять. Причем Ляхов знал из личной практики и прочитанных книг, что гипотетическая, наскоро построенная модель окружающего мира в целом или отдельных его частях совсем не обязательно должна быть истинной. Совсем нет. Необходимо лишь, чтобы по ряду параметров она позволяла принимать практические решения.

Как, например, совершенно ненаучные представления древних медиков об этиологии и патогенезе большинства известных им болезней отнюдь не мешали добиваться выдающихся успехов в терапии, даже хирургии и ортопедии. Так и сейчас, нужна более-менее адекватная конструкция, позволяющая выработать правильную стратегию поведения в предложенных обстоятельствах.

Что мы имеем в наличии?

Определенное количество субъектов, по всем признакам (соответствующим «обычной», или «исходной», реальности) явно мертвых, но тем не менее сохраняющих подвижность и способность к действиям, в первом приближении выглядящих разумными. Или – направляемых инстинктами, достаточно сложными, чтобы создавать иллюзию целенаправленности и осмысленности.

К тому же указанные «объекты», будучи изначально мертвыми, но активными, в то же время, так сказать, вторично смертны.

Пока что первое и единственное предположение, которое пришло в голову Вадиму, заключалось в том, что в этом мире, представляющем собой способ, научно выражаясь, инобытия материальных, изначально неживых объектов за пределами «естественного» времени, его законы распространяются и на людей. Точнее, на то, во что превращается человек в момент смерти. Когда от него отлетает «душа».

Как атеисту, материалисту и медику, такая постановка вопроса Ляхову казалась странной, но по тем же самым основаниям он не видел причин не верить собственным глазам и прочим органам чувств.

Есть то, что есть.

Покойники «живут» и движутся, но, по не познанным пока законам, при соответствующем механическом воздействии умирают еще раз, и теперь уже окончательно.

Впрочем, последнее утверждение истиной может и не являться. Вполне допустимо, что они опять переходят в следующую фазу. Какого-нибудь «эфирного тела», или как там у знатоков называются иные, чем «способ существования белковых тел», формы жизни.

В полусотне метров за левым плечом Ляхова послышался звук заводимых моторов, загорелись фары обоих грузовиков, сначала бившие в стену, а после разворота осветившие всю прилегающую окрестность куда более слабым, чем танковый прожектор, но зато равномерным светом.

Вадим представлял, что там сейчас происходит, и радовался, что не ему приходится успокаивать перепуганных женщин и изобретать какие-то объяснения вполне невероятных фактов. Пусть уж мужики постарше и попроще, в смысле эмоциональных реакций, занимаются практической психотерапией.

Лично он сознавал в себе некоторую ущербность и слабохарактерность. Ему проще было ходить в бой, чем сообщать глаза в глаза родственникам, что в их случае медицина оказалась бессильна. И от подобных миссий он в меру возможностей уклонялся.

И всегда завидовал находчивости и выдержке других. Был, помнится, у них в полку случай, когда командир саперной роты не справился с миной, установленной на неизвлека-

емость. Начштаба, которому довелось сообщать о происшедшем жене старшего лейтенанта, начал беседу философски: «Ну, вы, наверное, знаете, что человеку свойственно ошибаться...»

А уж зрелище стремительно переходящих в иную ипостась трупов мы как-нибудь перетерпим. Тем более что во фляжке еще осталось. И порядочно. Глотка на три душевных.

Послышавшееся в десятке шагов шевеление его в очередной раз насторожило. Удобный для резких ситуаций автомат легко повернулся в сторону звука.

Уже слегка начало светать, но не так еще, чтобы отчетливо видеть окружающее. Подвешенный на левом плечевом ремне аккумуляторный фонарь осветил две человеческие фигуры, прижавшиеся спинами к косому склону, образованному выходами пластин белого камня. Одеты они были в почти новые кителя цвета «фельдграу»¹⁴ и сами выглядели удивительно живыми.

Если не считать нескольких опаленных пулевых пробоин в районе нагрудных карманов кителей. И странно отрешенных лиц. Лиц людей, которым все окружающее не слишком интересно. Бьющий в глаза свет, наставленный ствол автомата...

На погонах того, что справа, Ляхов увидел знаки различия капитана, а у другого – штаб-ефрейтора Армии обороны Израиля.

Если бы вдруг с их стороны проявилась хоть какая агрессивность, Ляхов готов был пресечь ее в корне. Пальцы лежали на спусках и пулевого «ствола», и гранатомета.

Но никаких угрожающих телодвижений уже однажды кем-то расстрелянные незнакомцы не делали. Скорее, они казались основательно контуженными. Возможно, и тем, что здесь творилось совсем недавно. Но дырки на их мундирах никак не могли быть от пулеметных пуль. В противном случае «их бы тут не стояло».

– Эй, вы кто? Откуда здесь? – спросил Вадим слегка подсевшим голосом. – Живые или как? – Вопрос по определению звучал бессмысленно, но в данной обстановке – верно.

Израильский капитан ответил сипло, натужно, покашливая через слово, что неудивительно при характере ранений. И – тоже на русском, пусть и не слишком хорошо.

– Теперь не знаю. Что живой – не думаю. Нас расстреляли сирийцы уже после капитуляции. И не мертвые, тоже нет. Все очень странно, но мы ведь разговариваем, если я не брежу... И вы – русский офицер?

Тут же он начал сбивчиво и торопливо говорить на идише, и хотя Ляхов худо-бедно нахватался бытовой фразеологии, сейчас не понимал почти ничего.

– Подожди, товарищ, сейчас я позову вашего, кто язык знает...

Стараясь не выпускать из поля зрения и прицела странную пару, Ляхов посигналил в сторону машин фонариком и вдобавок крикнул, перекрывая голосом гул автомобильных моторов:

– Розенцвейг, сюда, быстрее!

Бывший майор, а ныне бригадный генерал услышал его сразу. И, не мешкая, тут же и появился, придерживая локтем болтающийся на сильно отпущенном ремне автомат.

– Слушаю вас, Вадим, что случилось?

– Да вот... Не знаю даже. Люди мне попались непонятные. Но – из ваших. Побеседуйте, а то я не врубаюсь...

Розенцвейг смотрел на соотечественников с понятной оторопью.

Ляхов заметил, что ефрейтор уже несколько раз сделал попытку шагнуть вперед, и каждый раз капитан удерживал его за рукав, молча и сохраняя по-прежнему отстраненное выражение лица и глядя куда-то поверх голов его и Розенцвейга.

– Подождите, Львович, я только один вопрос задам, а потом уж вы... – сказал Вадим, потому что какая-то очень важная, как ему показалось, мысль пришла в голову.

¹⁴ Фельдграу – полевой серый, стандартный цвет формы строевых пехотных частей немецкой и израильской армий (нем.).

– Скажите, капитан, вашему товарищу куда-то очень нужно? Если да, так мы не против. Пусть идет.

– Не надо. Вы не понимаете. Мы еще немного чувствуем себя людьми. И не можем сразу... Но если дадим себе волю... Нет, я не хочу... – капитан почти закричал, но – шепотом. Ляхов не понял ничего, однако опять страшно ему стало. Куда сильнее, чем в любом бою. Страшно было смотреть в лицо мертвого офицера, страшно – вообразить, что он подразумевает, а уж совсем страшно – представить себя на его месте.

– Поговорите с ним, Григорий Львович, я – не могу. Словарного запаса не хватает, – таким деликатным образом он попытался выйти из положения, иного выхода из которого не видел.

Кроме одного – стрелять! Очень легкое решение, кстати, чтобы ликвидировать саму причину своего напряжения, а потом – забыть, передернув затвор и вставив новый магазин для следующих подвигов во славу...

Лязгая траками, «Тайга», ведомая Тархановым, приблизилась на самой малой скорости и, словно случайно, вдвинулась углом корпуса как раз между непонятными израильянами и Ляховым с Розенцвейгом. Так, что наклонный лобовой лист даже чуть ткнул Львовича в бок, заставив его невольно сделать шаг вперед.

И тут же ефрейтор метнулся вперед с такой нечеловеческой энергией, что кожаный ремень, за который его попытался в последний миг удержать капитан, лопнул, словно бумажный.

Вадим, совершенно инстинктивно чувствуя, что выстрелить уже не успевает – «ствол» ушел слишком далеко вверх и в сторону, – шагнул напересечку его броска, махнул автоматом, как дубиной. От плеча, слева направо и вверх, надеясь попасть по шее. Ефрейтор добавил к отчаянному удару Ляхова еще и всю кинетическую энергию своего броска.

Но вместо ожидаемого толчка в ладони, хруста, предсмертного вскрика случилось другое. Будто тело мертвеца оказалось состоящим не из нормальных костей и мышц, а – из глины или мягкого пластилина.

Дико было наблюдать Ляхову, как голова ефрейтора странно легко отлетела в сторону, а тело повалилось на землю, несколько раз вскинулось, подергав ногами, – и замерло.

– Что такое, капитан? – едва удержавшись на ногах, ошарашенный случившимся, вскрикнул Ляхов, но автомат четко перевернул в руке, готовый к выстрелу.

Розенцвейг же вообще застыл, как соляной столп, в который превратилась его соотечественница, жена Лота.

Был бы израильский офицер хоть немного нормальным человеком, он просто подсознательно, увидев гибель товарища, сделал бы малейший защитный или просто выражающий отношение к трагическому происшествию жест. А он – Вадим готов был поклясться – смеялся. Но тоже – странно. Одним ртом.

– Видите – я еще немного себя контролирую. Значит, несмотря ни на что, дух сильнее плоти. Вот этой... – с выражением не то брезгливости, не то суеверного страха, он указал рукой на останки ефрейтора. – Но ближе – не подходите... Не могу ручаться...

– Граница – здесь? – вступил в разговор Розенцвейг, обретший самообладание быстрее, чем можно было ожидать от непривычного к общению со смертью и кровью человека. Он указал пальцем на то место, откуда прыгнул безымянный ефрейтор.

– Примерно... – кивнул капитан.

– Тогда сядьте, пожалуйста, там, где стоите, и – руки за спину, если не трудно, – предложил Розенцвейг. – Так будет лучше, если вдруг и вы с собой не сумеете совладать. И – рассказывайте. Я – ваш соотечественник. А нас так мало, что если вы назовете фамилию и должность, скорее всего, я вас вспомню.

– Я был командиром роты шестого батальона бригады «Катценауген»¹⁵. Имя – Микаэль Шлиман. Личный номер такой-то. 13 января мы штурмом взяли Эль-Кусейр и замкнули кольцо окружения вокруг последней боеспособной сирийской танковой дивизии. Война была окончена. По радио мы слышали, что арабы уже признали поражение. Но мне не повезло. В переулке гранатометчик поджег мой «Бюссинг», я выскочил, и тут же меня скрутили. Наверное, зная о капитуляции, их солдаты были особенно злы.

Меня допросили, но совершенно формально. Им нечего было спрашивать, а главное – уже незачем. Потом толстый усатый полковник ударил меня по лицу и сказал, что хоть одно удовольствие в жизни он себе еще может позволить. Лично расстрелять еврея, который опять его унизил. Я не понял, чем его унизил именно я. Тут же оказалось, что удовольствие можно удвоить. Рядом со мной поставили штаб-ефрейтора Биглера. И полковник своими руками разрядил в нас полный магазин своего «сент-этьена».¹⁶

Капитан поморщился.

– Это было очень больно, но совсем не страшно. Пока у вас перед глазами размахивают пистолетом и орут угрозы – все время кажется, что этим и кончится. Тем более что уверен – проигравшему противнику куда выгоднее иметь запас пленников для торга, для обмена... А потом «ствол» поворачивается прямо на тебя и начинает вскидываться вверх при каждом выстреле. Звука выстрела и не слышишь. Боль раздирает грудь, потом – темнота...

Ляхов подумал, что даже в своем нынешнем качестве убитый капитан владеет искусством слова. Очень все конкретно, емко и убедительно.

Не «Смерть Ивана Ильича»¹⁷, конечно, но впечатляет.

– И что дальше? – деликатно спросил Розенцвейг. Ему рассказ капитана тоже показался заслуживающим особого внимания. Впрочем, скорее по профессиональным причинам. И некоторое время он, как кадровый разведчик, расспрашивал Микаэля по известным только ему параметрам. Возможно, соотносил с чем-то, известным только ему. Или – собирал материал на будущее.

Пока Розенцвейг допрашивал, а Ляхов с болезненным интересом слушал, Тарханов, который в принципе знал идиш куда лучше Вадима и мог сам поучаствовать в допросе, проявлял демонстративную незаинтересованность.

У него словно были свои дела. Он вернулся к грузовикам, что-то там делал, потом поочередно выгнал их на дорогу мимо транспортера. Девушкам из кабины выходить запретил, оберегая их ранимую психику. И они его послушались беспрекословно, что вряд ли случилось бы, если б вместо него взялся командовать Ляхов.

Что значит харизма...

Теперь отряд был готов к движению, осталось только закончить разговор с мертвым капитаном и решить, что делать с ним дальше.

– Ничего особенного, – Шлиман снова улыбнулся одними губами. – Я пришел в себя так же, как просыпаются после наркоза. Естественно, подумал, что, как всегда, все обошлось, что сириец стрелял холостыми, поскольку ничего не болело и голова работала нормально.

Я помнил все... Встал. Почти одновременно со мной поднялся с земли и ефрейтор. Мы осмотрелись и не увидели ничего и никого. То есть абсолютная пустыня вокруг, ни одного человека. Мимо безлюдных домов вышли на окраину поселка. Там тоже... только масса подбитой и брошенной техники, нашей и арабской. И тут же пришло ощущение... Я не знаю, как его передать. Вы не поймете. Сон не сон, явь не явь. Но я уже понял, что я не живу. Как раньше понимал, когда сплю, когда нет.

¹⁵ Катценауген – кошачий глаз (идиш).

¹⁶ Французский пистолет не слишком удачной конструкции.

¹⁷ Рассказ Л. Толстого, где подробно описан процесс умирания главного героя.

– И?... – с жадным любопытством спросил Розенцвейг.

– Не расскажешь. Я понимал, что не живу я только там, у вас, а здесь снова... Существою. Вот еще что нужно отметить – голод. Совершенно необычный, но в то же время острый голод...

Шлиман вдруг прервался. Снова огляделся по сторонам с каким-то странным выражением.

– А как вы думаете, зачем я все это вам рассказываю?

– Ну, не знаю, – слегка растерялся Розенцвейг. – Наверное, есть такая потребность, раз вы по-прежнему ощущаете себя человеком...

– Да, – с невыразимой тоской сказал капитан, – именно поэтому. Кроме всего прочего, я ведь офицер запаса, а в мирной жизни – доцент по кафедре биологии Хайфского университета. И еще магистр философии Гейдельбергского. Я умею думать. И думаю уже, наверное, недели две. А вы первые «живые» люди, которых я увидел. Сегодня какое число?

– Понятия не имею, – ответил Розенцвейг. – По моим прикидкам – примерно четырнадцатое – шестнадцатое января 2005 года.

– Странно, – сказал Шлиман, – а я думал – двадцатое – двадцать пятое. Но это не так и важно. Вы сами здесь откуда? Вы же не мертвые, я чувствую.

– А как вы это чувствуете? – вмешался Ляхов. – Я тоже биолог и врач, мне интересно. Я вам сочувствую, но все равно ведь ничего не изменишь. А с научной точки зрения... Оказались вот вдруг коллеги там, где не могли и помыслить встретиться, но ведь размышляли об этом и вы, и я в прошлой жизни.

– Еще бы. Наверное, поэтому я и сохраняю еще некоторое человекоподобие. Вы как думаете, зачем ефрейтор на вас бросился?

– И зачем?

– Голод, я же вам уже сказал. Элементарный, хотя и не ваш. Он ВАС употребить в пищу хотел, поскольку... аура от вас такая исходит! Как запах парного мяса для голодного хищника. Я понимаю – это запах живого, и если бы... Если бы я тоже напился от вас жизненной силой, смог бы долго существовать здесь... Я еще не пробовал, но откуда-то знаю, что это так, – в голосе капитана прозвучала такая тоска, сопряженная с неожиданной твердостью, что мурашки у обоих офицеров по спине побежали.

– И что же? – подавляя собственный гуманизм, продолжил Ляхов.

– Вы ведь знаете, что бывают случаи, когда единственное спасение от смерти – людоедство? Я, например, слышал о фактах, когда даже собственных детей употребляли в пищу, чтобы продлить свое существование. И в то же время всегда встречались люди, которые любимую собаку или кошку продолжали кормить крошками пайка, на котором и одному выжить невозможно. Вам, русскому, это должно быть известно даже лучше, чем мне.

Вадим не мог не согласиться, что так оно и было на протяжении почти всей человеческой истории. В том числе и отечественной. Например, в Гражданскую войну.

– Ефрейтор оказался примитивным существом. Мне его жаль, но... Да и я не знаю, сколь долго сам смогу подавлять первобытные инстинкты. Поэтому – уезжайте.

Помолчал и добавил с невыносимой, можно бы сказать – смертельной болью в голосе, если бы это слово имело здесь прежний смысл: – А хотелось бы и посмотреть, что там будет дальше, узнать, как вы сюда попали... Живые к мертвым. А вдруг есть и обратный путь?

– Послушайте, Микаэль, – вдруг воскликнул Розенцвейг, – а мы вам помочь не можем?

– Чем? – искренне удивился капитан. – Пожертвуете мне фунт собственного мяса, как в той сказке?

– Отнюдь. Но у нас есть э-э... продукт из того, человеческого мира. Ну, как мне кажется... Оно тоже не живое, конечно, но вдруг поможет?

Ляхов, уже сообразив, о чем говорит Розенцвейг, метнулся к машине, сдернул из кузова ящик консервов, даже не консервов, просто свежего, парного мяса в вакуумной упаковке, спо-

собного сохранять свои свойства годами. Взятый еще на первой израильской базе, то есть тоже «сбоку» от этого времени.

А вдруг действительно?! Ему страшно хотелось, чтобы этот капитан жил, точнее – существовал, еще хоть сколько-то дней, чтобы с ним можно было разговаривать, узнавать о загробной жизни и, возможно, понять что-то и в прежней.

Он вспорол штык-ножом килограммовую банку телятины и протянул Шлиману, остерегаясь, впрочем, подходить слишком близко. Вдруг и у него, несмотря на принципы, близость живого тела сорвет крышу. Как в русских сказках у Бабы-яги.

Капитан втянул носом запах и действительно не смог совладать с собой. Только агрессия его была направлена исключительно на продукт. Давясь, задыхаясь и хлюпая, он сглотал содержимое буквально за минуту.

– Еще – можно?

– Без вопросов! – Вадим уже видел, что, кажется, удалось. Хотя бы на первое время.

Второй килограмм капитан съел куда медленнее, раздумчивее, но все равно до луженого доньшка банки, и Вадим все время поражался, как столько может поместиться в обычный человеческий желудок. Ах да, не в обычный, конечно.

Напитавшись, покойник (Ляхов даже в мыслях избегал назвать его как-то иначе, чтобы беды не накликать, что ли?) умиротворился и посоловел.

– Пожалуй, на этом я смогу прожить еще немного. Увы, совсем немного. Знаете, друзья, это примерно как хлеб из опилок. Создает иллюзию насыщения, но в то же время... Только где же взять достаточно даже и такой пищи? И вообще, откуда она? Здесь мне попадались продовольственные лавки, но то, что я в них видел, воспринималось не иначе, как картонные муляжи на витрине плохого магазина. Мне и в голову не приходило...

– Нет, вы рассказывайте дальше, пищей мы вас снабдим, – перебил Вадим возможные слова Розенцвейга, которые могли и не попасть в его схему.

Он уже видел этого Шлимана неким Вергилием, который может сообщить Данте сокровенные тайны загробного мира. И ведь как хорошо написано аж шестьсот лет назад: «Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу». Жаль, что наизусть он больше не помнил ни строчки из «Божественной комедии». Однако все остальное подходило к месту безупречно.

– С удовольствием. Только – вы уж простите за бестактность – на какой срок здешней жизни (существования) я могу рассчитывать? То есть сколько у вас этих консервов, хоть как-то прогнавших невыносимый, нечеловеческий голод? Вы, коллега, должны понять. Раковому больному, привыкшему к морфию, анальгин тоже может снять боль. Но на сколько? И все же это лучше, чем ничего...

– Давайте вместе экспериментировать, коллега. Засаеваем время. Сейчас пять тридцать. Как только ваш голод снова станет совершенно нестерпимым, скажете. Тогда и рассчитаем наш резерв.

А в это время у Вадима возникла еще одна идея, которая могла значительно расширить пространство маневра. Но – подождем, обмыслим, чтобы не возбуждать безосновательных надежд. Ни у себя, ни у капитана. Но, если получится, полгода жизни Шлиману они подарят. И тут же вспомнился мало кому известный персонаж из старинного романа, который сказал своему младшему партнеру: «Но имейте в виду, Шура, за каждую скормленную вам калорию я потребую массу мелких услуг!»

Именно так он намеревался поступить и с Микаэлем, что бы там ни придумали Тарханов и Розенцвейг. Вадим спинным мозгом почувствовал, что, кажется, он в очередной раз может выиграть по-крупному.

Не зря же в Академии лучшие преподаватели, отнюдь не навязывая и даже не афишируя своей цели, вскрывали латентные способности к стратегическому мышлению. У кого не

окажется – не беда, так и быть, хороший зам начальника штаба дивизии по разведке в любом случае получится, а уж в ком обнаружится божья искра – все пути открыты, вплоть до начальника Генерального штаба.

От машин подошел Тарханов, обтирая руки куском ветоши:

– Что вы тут возжаетесь, может, объясните?

– Пока не объясню, – ответил Вадим. – Но толк, похоже, будет. И солидный. А ежели к маршу готовы, так поехали. – Повернулся к Шлиману: – Капитан, нам в дороге что-то угрожать может еще?

– Не думаю. Зона последних боев осталась там, – он показал пальцем через плечо. – И со всеми, кто «сорганизовался», вы более-менее разобрались. Других «организованных» здесь быть не должно. Разве только естественным путем кто-то из местных жителей скончался. Да и в любом случае...

Смысл его слов был Вадиму понятен.

– В общем, ты с девушками езжай на «Тайге», – сказал он Сергею, – Львович за тобой, а мы с капитаном замыкающими.

Тарханов, доставая папиросу, незаметно для окружающих поманил Ляхова мизинцем левой руки.

Словно желая прикурить от его зажигалки, Вадим подошел, наклонился.

– Ты соображаешь, что делаешь? – Вопрос был хотя и задан вполне в двусмысленной форме, Ляхов понял его однозначно.

– Соображаю, Серега. И польза от моих действий может проистечь громадная...

Тон у Ляхова был настолько убедительный, что Тарханов ничего больше не сказал. Такие у них сложились отношения, что верили они друг другу безоговорочно. Что Вадим Сергею на перевале, что Сергей Вадиму сейчас. А как же иначе? Иначе это уже не мужская солдатская дружба, а черт знает что! Сплошной салон мадам Шерер!

– А он тебя не сожрет там по-тихому? Даже, предположим, против собственной воли...

Опаска, разумеется, у Ляхова по отношению к столь сомнительному знакомцу, как более-менее подвижный покойник, проще говоря зомби, сохранялась. Ну а как же без риска, ежели выигрыш светит удивительный? Кто не рисковал, тот в тюрьме не сидел.

А на всякий случай еще пару банок консервов в кабину он возьмет, и как водка с «нашей» стороны на Шлимана подействует, тоже можно будет в пути проверить. Главную же надежду он возлагал на другое.

Насчет языковой проблемы Ляхов не сомневался. Капитан русский в принципе знал, что неудивительно для жителя Хайфы, где треть населения – российско-подданные, а остальные связаны с ними по службе или дружбе. А раз он еще и в Гейдельберге учился, так о чем речь? Немецкий Вадим знал ненамного хуже русского, просто разговорной практики не хватало, а и Клаузевица, и Гейне, и Ремарка спокойно читал без словаря.

Договоримся.

Перед началом движения Вадим буквально на пару минут задержался с Майей возле распахнутой кормовой двери «Тайги».

Что там рассказывал девушкам Тарханов о случившемся, расспрашивать было недосуг. Да и смысла большого тоже. Достаточно, что подруга сохраняла приличествующую выдержку, несмотря на окружающий пейзаж и мало выносимый запах.

– За тебя можно не опасаться? – спросила Майя.

– На сто процентов. Как будто еще не убедилась. Сама там поаккуратнее, в том числе и с Татьяной.

– Об этом я и хотела. Согласовать позицию. Я так понимаю, подозрения у тебя в отношении нее сохраняются?

– Да, но вполне неопределенные. Причем наибольшие сомнения вызывает именно пятигорский отрезок. Начиная с момента их встречи. Поэтому насчет чеченца и ампулы даже не заикайся, забудь, как ничего и не было. А скорее всего, и на самом деле не было. Зато про все остальное – прокачивай, крайне осторожно, исключительно в плане бабского любопытства...

– Кого учишь, – Майя, бодрясь, улыбнулась как можно безмятежнее, привстала на цыпочки и коснулась губами его щеки.

Несколько неожиданно, исходя из обстановки, но Вадим вовремя заметил краем глаза, что на них смотрят. Из кабины «Опеля» – Розенцвейг, из командирской башенки «Тайги» – Татьяна.

Потому, демонстрируя, что невинного поцелуя в щеку ему мало, он обхватил Майю за талию, вскинул вверх, на свой уровень, припал губами к ее губам. Как и следовало поступить в подобной ситуации. Да и на самом деле ему очень захотелось.

Чем круче закручивалась пружина сюжета, тем роднее становилась ему эта девушка, в которой все меньше оставалось от той Майи, львицы московских салонов, соблазнившей его такой далекой уже февральской ночью до сих пор длящегося года. Вполне условно, впрочем, длящегося, поскольку какой сейчас год на самом деле, не разберет и пресловутый черт.

– Ты, как в броник сядешь, сразу шлемофон надевай и в сеть включайся. Только обрати внимание, чтобы на ТПУ командирский тумблер был выключен. Сможете с Татьяной откровенно и комфортно беседовать, а если что – голова целой останется. Нет, чисто в физическом смысле, трясет там здорово...

Майя кивнула и, уже садясь в машину, вдруг шепнула:

– Ляхов, а я тебя на самом деле люблю! Не так, а на самом деле...

Услышать это было неожиданно и тем более приятно. Даже горло слегка сжало. Сколько у них было постелей и самых разных слов, но подобного Майя не говорила еще никогда.

«А чего бы вдруг – именно сейчас? – промелькнула подозрительная мысль. – Вариантов не осталось и надежд на возвращение?»

Но тут же он устыдился собственного цинизма, пусть и чисто внутреннего. Скорее, все наоборот. Именно потому, что шансов на возвращение, да и на выживание тоже, не так уж много, она и решилась это сказать. Вроде как сжечь мосты на любой мыслимый случай.

Не дав Вадиму ничего сказать в ответ, Майя, пригнувшись, скользнула внутрь броневой коробки.

Колонна пошла, и Ляхов пристроил ей в хвост свой грузовик.

Глава 3

Великий князь Олег Константинович после известных событий удалился в свой охотничий замок, расположенный всего в полусотне верст от Москвы, но в таком месте, что создавалось впечатление полной уединенности и оторванности от мира. Словно не ближе Подмоскowie здесь, а какой-нибудь Урал. Или хотя бы глушь Мещерских лесов. Потому и именовалась эта усадьба «Берендеевка», в память сказочного царства царя Берендея.

Домики прислуги и охраны были ловко упрятаны среди холмов и местами сосновой, местами еловой чащобы, чтобы совершенно не мозолить глаза и не отвлекать князя и его гостей от государственных дел, а чаще – от простого пасторального отдыха.

В собственно княжеский дом, просторное и одновременно простое двухэтажное строение, сложенное из розоватой, прочной, как камень, лиственницы, с широкой верандой внизу и несколько более узким балконом над ней, не имел права входить никто, кроме особо приближенного камердинера, да и то лишь по вызову.

Олег Константинович желал, чтобы даже случайный скрип половицы не отвлекал его от дум или просто от возможности посидеть с книгой, слушая шум ветвей над головой, от созерцания плывущих над близкой рекой облаков.

А уж насчет шума ветвей все обстояло отлично. Множество реликтовых пицундских сосен было высажено здесь еще в его ранней молодости, и вот прижились, вымахали, будто на картинах Шишкина, образовали такой приятный для глаз и души уголок, что иногда слезы наворачивались на глаза от умиления.

Теперь он приехал сюда, чтобы окончательно осмыслить судьбы мира. Пусть для кого-то и прозвучит это слишком напыщенно, а деться ведь некуда. Если даже поступок простого обывателя способен изменить настоящее и будущее, так что говорить о человеке, по определению поставленном держать равновесие российской Ойкумены?

Авторитет у него был изначальный, собственными трудами значительно подкрепленный, в распоряжении – войска, очень неплохие, нужно заметить, почти сто тысяч солдат и офицеров. И функция, прописанная в Конституции, исполняемая им с должным усердием.

Но это ведь все ерунда, если вникнуть, рябь на поверхности старого пруда, который никогда не станет морем, смотри ты на него, не смотри... До тех пор, пока не будет принято некое решение. Способное изменить ход истории самим фактом своей окончательности, почти независимо от последствий практической реализации.

Так, Петр Великий ничего не знал в 1689 году, затеяв разборку с сестрицей Софьей за верховную власть. Куда оно и как повернется. То ли грудь в крестах, то ли голова в кустах. Но что российская жизнь уже никогда не останется прежней, он наверняка ощущал. Государевым инстинктом.

Верный пес, громадный, раза в полтора больше стандартной немецкой овчарки, золотисто-рыжий с черными подпалинами красавец Красс, ему не мешал. Он лежал на выскобленных досках веранды, положив тяжелую голову на могучие когтистые лапы, лишь изредка пошевеливая ушами и приоткрывая то один, то другой глаз – мол, все ли в порядке в окрестностях? И снова начинал придремывать, готовый тем не менее в любую секунду исполнить могущую прозвучать команду.

А если что – принять и самостоятельное решение, по обстановке.

Князь листал страницы нашумевшего некогда, а теперь почти забытого публикой труда американской профессорши Барбары Такман «Августовские пушки».

Более всего Олега Константиновича сейчас занимали первые главы, повествующие о днях, непосредственно предшествующих началу Мировой войны. О том, как сцепление зако-

номерностей и случайностей, горячность одних политиков и непростительное тугодумие других привело к глобальной, величайшей в истории человечества катастрофе.

«Опыт 1914 года приводит к печальному заключению о том, что государственные деятели, в стрессовых ситуациях размышляющие о подлинных или мнимых интересах своих стран, не видят возможности изменить собственную политику, но считают, что перед противником буквально неограниченное количество альтернатив. В 1914 году они забыли, что в неприятельских столицах действовали столь же мощные ограничения на свободу выбора, как и в собственной. Каждая сторона торопилась действовать, дабы предотвратить гипотетическую реакцию или действия другой, мало представляя себе связь причин и следствий. В то же время тщетное ожидание «разумных» шагов противника укрепляло подозрения в его дьявольской скрытности, маскировавшей лютую агрессивность. Коль скоро проблеска разума по ту сторону не наблюдалось, то повинен здесь-де только злой умысел, а это лишь ускоряло скатывание к войне».¹⁸

Да, именно так все обстоит и сейчас. Ситуация внутри России и за ее пределами пугающим образом напоминает события ровно девяностолетней давности.

Возможно, думал князь, век – это именно тот исторический отрезок, потребный, чтобы люди успели забыть все. Реальность происходившего, слезы, лишения, боль и страдания. Живое ощущение протекающей жизни, вкус вина и кальвадоса, чесночный запах иприта. Умерли участники событий и их дети. А внукам и правнукам уже не то чтобы неинтересно анализировать прошлое, примеривая его к настоящему, они просто уравнивали в памяти Мировую с какой-нибудь Тридцатилетней или Северной войной. То есть, проще говоря, вычеркнули из разряда подлинности, переведя в горизонт мифов и легенд.

Но, возможно, в чем-то это и к лучшему.

Его нынешние партнеры, соперники и противники – политики – подобны бабочкам-поденкам. С коротенькими мыслями и жизненным опытом не длиннее избирательного срока. Без воображения, без способности воспринимать четырехсотлетнюю историю Романовской династии как неотменяемую часть собственной биографии.

Весь их идейный багаж – вроде новомодного плоского портфельчика с несколькими деловыми бумажками, таблетками от запора и морской болезни и набором кредитных карточек, с которым стало принято лететь хоть через океан. Потому что все остальное на том берегу (и в их жизни) такое же точно, от носков до рубашек, книг, идей и мыслей. Проще купить, взять в аренду, чем везти с собой.

А раньше люди отправлялись в путешествие на пароходе, а то и в караванах, отягощенные несколькими неподъемными сундуками, позволявшими комфортно чувствовать себя хоть в Сиаме, хоть в Тимбукту. Не просто комфортно, но сохраняя неповторимость и адекватность личности.

Отсюда – он просто обязан переиграть своих соперников, и прежде всего – премьер-министра Каверзнева, возомнившего себя спасителем Отечества и Демократии от посягательств узурпатора.

Премьер – с головой, набитой обрывками партийных программ и ничего не значащими фразами насчет «прав и свобод человека», «угрозы жестокого авторитаризма», «скатывания к полицейскому государству». Он оказался сейчас в положении тех самых Пуанкаре, лорда Грея, Николая, Вильгельма, Франца-Иосифа и их министров.¹⁹

Бойтся сделать решительный шаг и в то же время бессмысленно надеется, что, при проявлении должной твердости, а еще точнее – агрессивной наглости, противник в последний момент пойдет на попятную, сбросит карты на стол, оставив на нем все ставки.

¹⁸ Такман Б. Августовские пушки. М., 1972. С. 10.

¹⁹ Имеются в виду премьер-министры и монархи великих держав, начавшие Мировую войну 1914—1918 гг.

«Я бы с тобой, дураком, в покер сел бы сыграть. Но у нас сейчас не покер... – так подумал князь, раскуривая очередную сигару. – У нас сейчас миллионы человеческих жизней на кону. И судьба как минимум России, если не всей европейской цивилизации».

А так ведь, по сути, и было. Сделай сейчас Местоблюстителю опрометчивый шаг, причем все равно, в какую сторону, поспешив или помедлив сверх допустимого, и заполыхает новая Гражданская война, пользуясь которой разом поднимутся все те, кто давно уже ждет хоть малейшего сигнала, намека, проявления слабости, что наконец-то пробил их час. Что теперь – можно. Все!

Лицемерные союзники, приграничные враги, вожди «Черного интернационала», сепаратисты и ирредентисты²⁰ всех мастей. Просто толпы жадных мародеров-гиен, мечтающих, когда лев отвернется, ухватить свой кусок вкусных потрохов и прятнуть в заросли...

Только прояви намек на слабость, и мало никому не покажется.

Все и вся пронзал и пропитывал дешевый практицизм, потерявшая разумные границы страсть к комфорту и наслаждениям.

Только ведь никуда не делась сущность человеческой природы и непреложные законы истории, в которые князь верил не меньше, чем в законы физические. Что такое восемьдесят лет безмятежно-спокойной жизни и процветания в сравнении с тысячелетиями, демонстрировавшими единообразие и непреложную повторяемость людских страстей, мотиваций и побуждений.

Сказано ведь, что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Олег Константинович всю сознательную жизнь, то есть лет с пяти, самостоятельно научившись читать, предавался этому занятию с пугающей родителей и наставников страстью. Книги он читал всегда, и любые. Уединялся в Кремлевской библиотеке, насчитывающей около ста тысяч томов, любовно собиравшихся поколениями предков, хранивших на полях пометки и комментарии всех трех Александров, обоих Николаев и десятков Великих князей, из тех, кто был не чужд интеллектуальных увлечений. (После основания Местоблюстительства новая власть позволила забрать из Питера и вывезти в Москву все, что являлось личной собственностью Романовых. Кроме, разумеется, музейных собраний.)

Бывало, днями напролет карабкался по лестницам-стремянкам, добираясь до восьмых и десятых ярусов открытых дубовых стеллажей, с замиранием сердца извлекал пахнущие пылью и старой бумагой тома, многих из которых уже по веку и больше не касалась ничья рука. Открывал и начинал читать, сидя на опасно раскачивающейся лесенке. Нравилось – забирал с собой, нет – заталкивал на место и искал что-нибудь более подходящее возрасту или настроению.

В итоге к нынешним своим летам и положению Олег Константинович имел все основания считаться одним из наиболее эрудированных людей своего времени, в общем-то, к универсализму и абстрактным размышлениям не склонного.

Еще до заступления в должность Великий князь написал книгу, так до сих пор и не опубликованную, поскольку предназначал он ее только для себя и своих ближайших соратников и преемников. В этой книге он в хронологическом порядке осуществил параллельный анализ исторических событий, происходивших на протяжении трех тысяч лет в самых удаленных друг от друга областях «цивилизованного мира», и тем самым укрепился в мысли, что с определенным временным лагом везде происходило одно и то же.

²⁰ Ирредентисты – сторонники вооруженного присоединения соседних территорий, населенных соплеменниками или единоплеменниками (итал.).

Если отвлечься от некоторых экзотических деталей религиозного и культурологического планов, даже личности, двигавшие исторический процесс что в Китае V века до н. э., что в Киевской Руси, что среди ацтеков и каких-то всеми забытых хеттов, вполне могут быть признаны двойниками и аналогами друг друга.

Эта затянувшаяся интерлюдия²¹ потребовалась здесь, чтобы отчетливее подойти к мысли, давно уже определявшей поступки и поведение Великого князя.

Суть ее заключалась в следующем. Успешная контрреволюция, осуществленная российскими генералами, оказавшимися куда более эффективными и дальновидными политиками, чем профессионалы социал-демократических партий разного толка, кадеты, октябристы и совсем уже крайне правые, отнюдь не отменила того, о чем писал основоположник так называемого «исторического материализма» Ф. Энгельс.

Классовая борьба, или борьба представителей различных страт и сословий, никуда не делась и деться не могла. Как не устранили межнациональных, межрасовых и межцивилизационных противоречий, вражды и просто биологической несовместимости все пакты, договоры и конвенции, заключенные между «великими» и не очень великими державами, основанные на итогах Мировой войны и собственных представлениях об исторической и социальной справедливости.

Олег Константинович без ложной скромности считал себя одним из самых глубоких политических мыслителей современности, и что за беда, если он не выступал в Организации Объединенных Наций с собственными планами мирового переустройства, как Вудро Вильсон или Франклин Рузвельт, не публиковал скандальных трактатов, подобно благополучно забытым Рудольфу Гессу и Альфреду Розенбергу, не предсказывал «конца истории», как японский император Хирохито.

Зато он отчетливо сознавал, что взрывной потенциал человечества, хотя бы его наиболее цивилизованной части (что понимать под цивилизованностью – разговор отдельный), не реализованный после Мировой войны, продолжает копиться. Совершенно как напряжение земной коры на границах тектонических плит, как бурлящая лава в недрах Везувия и Этны. Землю потряхивает время от времени, сквозь трещины исходят сернистые газы, вьется дымок над кратерами.

Ведь та, Великая война, начавшаяся в четырнадцатом году, не имела никаких вроде бы объективных причин и предпосылок.

Сиял ведь на исходе девятнадцатого и в начале двадцатого века истинный Полдень человечества! Расцвет техники, искусств и наук, всеобщее (в определенном, конечно, смысле, для каждого сословия свое) благоденствие.

Любая приличная валюта была абсолютно конвертируемой во всех концах света. Так, моряки Тихоокеанских эскадр на пути из Кронштадта в Порт-Артур или Калифорнию за бумажный рубль покупали ананасы и живых обезьян в немыслимых количествах. Ни у кого из белых людей не спрашивали ни паспортов, ни виз, даже и в формально недружественных странах.

Оружие, и то было одновременно высокотехнологичным и гуманным. Трехлинейная винтовка, легкая скорострельная пушка, броненосец, наконец. Аэропланы хоть и летали, но невысоко и недалеко, занимались все больше разведкой, а вражеские пилоты палили друг в друга при встрече из наганов и браунингов. Пленным бойцам платило жалованье одновременно и свое, и вражеское правительство.

Живи и радуйся.

Нет, дурацкие амбиции взяли свое. Ради никому, по сути, не нужных Босфора или Эльзаса четыре года проливали кровь, изобрели ядовитые газы, концлагеря, «Большие Берты» и

²¹ Интерлюдия – небольшая вставка между частями произведения, обычно – музыкального (лат.).

прочую пакость. Разрушили великие, пусть и не очень совершенные, но культурные империи, убили десять миллионов человек, и буквально всем стало только хуже. Никому не стало лучше от той войны, никому!

А истинная причина? Не только ведь несоответствие занимаемым должностям тогдашних правителей. Нет. Это было бы слишком просто. И в девятнадцатом веке воевали, но не до такой же степени озверения!

Накопился в многомиллионных массах людей страшный разрушительный потенциал. Когда нечто подобное случается у леммингов, они просто массами кидаются с обрыва в море.

Мы же так не можем, хотя как здорово, если бы могли. Нам нужна идеология, любая: марксизм, национализм, освобождение Гроба Господня.

Ладно, повоевали, ужаснулись, десять лет отстраивали разрушенное и придумывали сами себе оправдание. Написали тысячи книг. Сначала – покаянных, вроде «На Западном фронте без перемен» или «Прощай, оружие!». Затем пообвыкли. Что ж мы, мол, так вот зря умирали? Надо бы объясниться. Объяснились, и снова пошла полоса очередной, тоже великой литературы. Но уже с обратным знаком. Что явилось первым намеком на то, что творится сейчас. Да и новые игроки начали выходить на мировую арену.

Князь, надеявшийся успокоиться, отдохнуть, помедитировать, в конце концов, встал и раздраженно ударил кулаком по перилам.

Ну, вот всегда так!

Что за жизнь, если, о чем ни вздумаешь подумать, придешь к тому же самому?

А вот простые люди ей радуются, веселятся, строят термы и колизеи, совершенно не замечая, что на автостраде, по которой они носятся каждый день, то и дело попадают дорожные указатели: «Геркуланум – 15 км налево», «Помпеи – 10 км прямо», «Содом и Гоморра – вправо по объездной».

И только он один догадывается о предстоящей участи. Нет, ну пусть не один, есть и еще теоретики, пишущие нечто подобное, а моментами даже куда более мрачные сценарии.

Но они – просто писаки, зарабатывающие на хлеб, неважно, чем именно, или – оторванные от жизни теоретики.

Местоблюститель же Российского престола – единственный, кто не только знает, но и Может!

Может вскрыть зреющий нарыв, пока он еще не отравил организм своими гнилостными ядами. И организм этот – Российская империя. О прочих подумаем позже, по мере созревания их собственных фурункулов и проблем.

Да что говорить, разве последние события на Кавказе (особенно они, потому что подобных событий с каждым днем случается все больше и больше по границам Периметра, взять хоть и недавнюю арабо-израильскую войну, но России напрямую пока не касавшихся) не извещают о том, что Армагеддон приближается с пугающей быстротой?

Одна беда – у князя до сих пор катастрофически мало сил. Против всего вздымающегося вала «Черного интернационала», а также стран и народов, пока нейтральных, но наверняка желающих присоединиться к тому, кто покажется им сильнее, у князя всего лишь четыре боеспособные дивизии и весьма скромные мобилизационные возможности Московского округа.

Впрочем, разве у Чингисхана или, что ближе, у генерала Корнилова поначалу было больше? Известно ведь, не в силе бог, а в Правде!

Зато у Олега Константиновича имелась четко проработанная стратегическая позиция.

А в запасе – еще и не доступная никому, кроме него, оперативная территория, «параллельный» или «боковой» мир.

Если верить в то, что было на днях доложено.

А если не верить? Самому сходить туда, что ли?

Кстати, почему и нет? В молодые годы он проехал на коне, с винтовкой за плечами и в сопровождении всего восьми верных казаков всю Маньчжурию, кишевшую хунхузами, и ничего. Проехал и привез великолепный этнографический и разведывательный материал.

Разумеется, соваться в параллельный мир страшно – не просто в военном смысле, как, например, опасно бывает вторгнуться в страну с неизвестными ресурсами и качеством вооруженных сил.

Тут страх совсем другой, высшего, если можно сказать, порядка, иррациональный, связанный с проникновением в области, для человека запретные.

Ну, вроде вызывания нечистой силы и подписания договора с дьяволом.

Поэтому Великий князь, поручив службе Чекменева изучать и прорабатывать связанные с этим делом вопросы (как бы на всякий случай), сам занимался делами реальными и практическими. Как честный человек, он предпринял все, от него зависящее, чтобы порешить дело миром. А уж если не прислушается премьер к голосу разума, тогда – аккуратно и грамотно довести господина Каверзнева до такой кондиции, чтобы вынудить его к действиям безрассудным, тщательно демонстрируя при этом собственное миролюбие и законопослушность.

А когда события окончательно выйдут из-под премьерского контроля, сокрушенно развести руками и начать действовать так, как позволяет и даже требует от Местоблюстителя Конституция. И – Народ! Который не всегда умеет сформулировать свои истинные интересы, но великолепно отличает истину от лжи в словах профессиональных радетелей за его, народное, благо.

Хотя на дворе стоял только еще сентябрь, погода вела себя не по сезону. Бабьего лета, считай, и не случилось. Как-то рановато в этом году подкрадывалась зима. Листья на деревьях пожелтели сплошь и в одночасье, по утрам чуть ли не через день ударяли заморозки, и при синем, все еще ярком небе с севера тянуло пронзительным, знобящим ветром.

И сегодня солнце совсем не грело, вдобавок его начали затягивать пока еще бледные, прозрачные, как кисея, облака. А как географ, Олег Константинович знал, что буквально в считанные минуты они могут сгуститься до непроницаемости, пролиться холодным дождем, а то и просыпаться снегом.

Князь почувствовал, что замерз, несмотря на теплую шерстяную куртку, наброшенную поверх белой форменной рубашки.

Сейчас бы камин растопить, смешать в высоком стакане ирландский виски с некоторым количеством ключевой воды и продолжить размышления, не отвлекаясь на суетные мысли об особенностях теплообменных процессов организма с окружающей средой.

Он свистнул Крассу и направился в дом, на второй этаж, в малую гостиную.

Хоть и называлось это строение, по неизвестно кем заведенной традиции, замком, в отличие от королевских и рыцарских замков Европы все здесь было выдержано в стиле русских княжеских теремов XII – XIII веков.

Стены из высокобеленных до медовой желтизны бревен, полы из дубовых плах, потолок – белая березовая доска.

Тяжелая и одновременно изящная деревянная мебель. Резные переплеты оконных рам остеклены ромбиком и квадратом размером чуть больше ладони, других в Средневековье на Руси делать не умели. Вдоль стен книжные полки до потолка и ружейные пирамиды.

Руки изысканного краснодеревщика здесь не чувствовалось, но видна была работа уважающего себя столяра, для которого главный инструмент – топор, рубанок и собственный глаз-ватерпас.

Охотничьих ружей и винтовок у князя было много, около полусотни, лучших отечественных и иностранных фирм, от первых льезжских патронных двустволок и штуцеров четвертого калибра для охоты на слонов до новейших «меркелей», «ижевок» и «тулок».

Из стиля выбивался только камин.

Данное отопительное устройство потомки Рюрика за века, протекавшие с восьмисот какого-то года, натурализовавшись, освоившись с окружающей средой и нравами аборигенов, успели подзабыть за ненадобностью. На просторах Владимиро-Суздальской Руси таким термодинамическим прибором не обогреешься. При пятимесячных зимах, буранах, сорокаградусных морозах хоть весь окрестный лес сруби на дрова...

А у князя камин был, и вполне приличный, в рост человека, выложенный из моренных²² валунов, с начищенным бронзовым прибором.

Камердинер, наверняка обладавший некоторыми телепатическими способностями, заблаговременно распорядился выложить под его сводом колодец из хорошей охапки березовых дров, подготовить нужное количество бересты для растопки.

За что, собственно, князь его и держал при себе третий десяток лет, удостоил придворных чинов шталмейстера и обер-егермейстера. Согласно Табели о рангах равняется армейскому подполковнику.

Оставалось только чиркнуть специальной каминной спичкой, в четыре вершка длиной и с серной головкой размером в вишню.

Тяга была хорошая, и дрова разгорелись сразу.

Верный Красс остановился напротив кресла, задумчиво глядя на хозяина. Его янтарные глаза словно спрашивали: «Волнуешься, нервничаешь? Может, я тебе могу чем-то помочь? Ты только скажи. Хочешь, пойдем и порвем их всех? Запросто!»

Мысль была хорошая. А главное, с помощью Красса вполне исполнимая. Как он, еще в реинкарнации одноименного (Марк Лициний Красс) римского полководца, разделался с бандами пресловутого Спартака!

– Итак, о чем бы мы хотели сейчас порассуждать? – вслух обратился сам к себе, а может быть, к меньшому брату и другу, князь.

Пес опять насторожился и поднял уши. Выражением глаз дал понять, что, честно сказать, рассуждать ему не очень-то и хочется. Гораздо лучше было бы, хозяин, сейчас переодеться тебе в высокие непромокаемые сапоги, соответствующий костюм, широкополую шляпу, с которой будут скатываться капли дождя, закинуть за плечо ружье двенадцатого калибра, на случай если встретится заяц или тетерев, а то и случайный медведь, и отправиться в ближний бор поискать грибы.

Но в чем и разница между частным человеком и регентом. Станет он царем – снова станет делать то, что хочет сам, а то и Красс, явно более умный, чем многие царедворцы. Текущие же дела они передоверят государственным министрам, сенату, земству. А сейчас, братец, – увы.

Пес протяжно зевнул, изобразив согласие с данной, пусть и отдаленной, перспективой, уронил голову на лапы. Предварительно передав импульс мысли: «Но хоть час-другой ты еще вправе принадлежать только себе, хозяин?»

– Пожалуй. Эх, псина, один ты меня понимаешь, но человеческие дела требуют совсем другого...

Олег Константинович устроился поудобнее в кресле напротив камина, положил на колени двухпудовый «Атлас офицера», содержащий в себе карты собственного и всех окрестных государств в любом потребном масштабе.

Цыганки на картах гадают, офицеры над ними размышляют.

Картина складывалась более чем интересная. Премьер Каверзнев допустил огромную промашку, потребовав от князя переброски гвардейских дивизий на приграничные террито-

²² Морены – скопления валунов и иных обломков горных пород, оставленных ледниками Великого оледенения (фр.).

рии. Теоретически он был, возможно, прав, если бы действительно руководил всей Россией и полностью контролировал внешнюю и внутреннюю политику. А так получалась глупость.

Интересно, кто выступал его военным советником? Неужели тайный сторонник монархии, до сих пор остающийся неизвестным? Ну уж никак не военный министр Воробьев и не начальник Генерального штаба Хлебников. Те, как представлял себе князь, поостереглись бы так дестабилизировать обстановку. А с другой стороны, отчего и нет? Распространенная ошибка – считать противника умнее себя. Переоценить зачастую намного опаснее, чем недооценить.

Значит, что мы имеем?

Премьер через соответствующие военные структуры предложил князю выдвинуть свои войска на территории, где общенациональная армия свои задачи выполнить якобы не могла.

По разным причинам, достаточно убедительно изложенным Каверзневым в личном письме князю, не могла. Боеготовность не в полном порядке, проблемы пополнения маршевыми батальонами частей, разбросанных от Петропавловска, Порт-Артура, Кушки до Ардагана, Баязета и Кишинева с Ревелем. И Дума выделяет кредиты на перевооружение войск крайне нерегулярно. Только-только удается жалование платить, а на закупку оружия и техники уже и не остается.

Поверить в это можно. Что там за армия, набираемая по призыву из числа тех, кто не умел вовремя от этой повинности уклониться? Ну и что, что четырехмиллионная, воевать-то она не умеет по определению, во всех серьезных конфликтах давно уже участвуют только добровольцы. Экспедиционный корпус, солдаты российского контингента Объединенных сил Тихоатлантического союза, а срочники-территориалы просто отбывают номер.

Призвались, походили строем по плацу, отстреляли неперенные «три пробных, десять зачетных», научились что-то там крутить и настраивать в пушках и танках, дождались увольнения, вот и все.

То есть у Каверзнева армии по-настоящему и нет.

Разумеется, шесть-семь полков и полдесятка отдельных батальонов, дислоцированных в Питере и окрестностях, будут ему верны, равно как и полиция, и охранные отряды его партии, но это ведь не то.

Зато посланные по его же приказу от имени Центрального Правительства три гвардейские дивизии, если грамотно все рассчитать, растянутся через всю российскую территорию.

Проще говоря – батальон со всеми необходимыми припасами и средствами усиления грузится в четыре пятнадцативагонных эшелона, полк – в двести сорок вагонов, дивизия требует для перевозки около тысячи.

Время прохождения через перевалы и станции, с учетом графика мирного времени, позволит тянуть составы месяц, а если надо – и больше.

И все это время каждое подразделение, от роты до батальона, высаженное в нужном месте, сможет решить любую поставленную задачу. Как в 1918 году Чехословацкий корпус, которому было оставлено оружие, продвигающийся по однокорейной дороге якобы для посадки на пароходы во Владивостоке, без труда захватил реальную власть над всей российской, а на самом деле – ничейной территорией от Самары до Иркутска.

Так не глуп ли господин Каверзнев?

Князю вдруг стало скучно.

Он ведь ощущал себя совсем другим человеком. Власть ему была совершенно не нужна. Он думал о ней и готовился ее взять просто из чувства долга, сознавая, что никто другой не распорядится ею лучше, чем он. А на самом деле...

Жить бы, как хочется, благо возможность есть! Мир – вот он, распахнут перед тобой. Только забудь об имени и должности. Отрекись в пользу одного из племянников, найдутся среди них совсем неплохие кандидаты. А сам стань вновь географом, исследователем. Вспомни

про неоконченные труды и книги, отправляйся в Сиам или в ту же Маньчжурию. Лет на пятнадцать хватит и здоровья, и интереса.

У князя не было ни жены, ни детей, ни даже постоянной любовницы. Все это он считал излишним, хотя сексуальной ориентацией обладал правильной, то есть – обыкновенной. Просто слишком много было интересного в жизни и без того, чтобы заикливаться на женщинах.

«Господи, дай ты мне забыть о своем титуле, отпусти с должности, предложи замену, и я уйду. И покажу окружающим, как надо жить. Люди слишком уж изнежились за восемьдесят лет беспрсветного мира, потускнели, привыкли к благоустроенности. Теплые квартиры, усадьбы, поместья, автомобили, рестораны, обед или ужин по телефонному заказу через двадцать минут в любой конец Москвы. Два раза в день меняемые крахмальные рубашки, личные портные и сапожники, косые взгляды сотрапезников на неподходящий к теме застолья цвет галстука.

Как все это надоело!

Нет, дайте мне винтовку в руки, безграничный простор и необъятную ширь горизонта, и я пушусь на поиски того, что стоит искать!»

Разумеется, Олег Константинович понимал, что внезапный взрыв эмоций вызван дозой старого и очень хорошего виски. И огнем в камине, и сигарой.

Но ведь, с другой стороны, невозможно и литром спирта пробудить в человеке то, чего в нем нет от природы.

Пес, ощутив тревожное настроение хозяина, опять привстал, зарычал тихонько, с вопросительной интонацией. Он не представлял, что существуют проблемы, в которых нельзя разобаться с помощью хозяйского ума, его, Красса, жертвенной отваги и крепких зубов.

Князь успокаивающе кивнул, улыбнулся, и друг снова опустил голову на лапы.

Вообще-то, думал Олег Константинович, если иметь определенный запас имморализма²³, терзаться мыслями вообще не стоило бы. Послать десяток подготовленных офицеров, организовать ликвидацию Каверзнева, хорошо ее замотивировав трагической случайностью, а дальше – дело техники.

Сославшись на сложность внешнеполитической обстановки, отложить на неопределенный срок выборы нового правительства, назначить «временный кабинет» – и все!

Но заставить себя пойти по этому пути князь не мог. Мешал тоже совершенно иррациональный моральный императив, и он это хорошо понимал.

Здесь – смерть одного человека, возможно, и не заслуживающего ее лично, зато решающая множество проблем.

Там – если позволить себе плыть по течению – неизбежные сотни и тысячи смертей в процессе политического конфликта. Солдат, офицеров, совсем не причастных к господским играм гражданских людей. Так почему же он готов принять на свою совесть те многие жизни и не хочет одну – эту?

Разве только оттого, что здесь будет, как ни крути, цинично спланированное убийство именно конкретного человека, а в другом варианте – «естественные» потери как следствие чужих поступков и решений. В том числе и грядущих «невинных» жертв.

Действительно, Каверзнев может и не посылать своих людей в бой, они, в свою очередь, могут предпочесть собственные интересы правительственным, отправиться не на фронт, а в ближайший кабак. Махнуть рукой, сами, мол, начальнички, разбирайтесь, или дружно, с восторгом, присягнуть новому царю. Тем самым сохранить «на земле мир и в человецех благоволение». Так, что ли?

Выходит, что так.

Князь поморщился. Такие выводы в чем-то главном тоже не выглядели нравственно безупречными. Но решить как-то иначе он все равно не мог.

²³ Имморализм – теоретически обоснованное отрицание морали как философской категории.

Глотнул из стакана и волевым усилием заставил себя думать о другом.

Не о высоких идеях и принципах, а о скучной прозе политической жизни.

И вдруг пришло в голову решение. Совершенно нестандартное, как и должно быть у настоящего Вождя нации. Которое либо позволит разом решить абсолютно все проблемы, либо освободит его от бессмысленных терзаний.

Глава 4

Чекменев, которого князь не приглашал на беседу (деликатное название для доклада, не предполагавшего разноса за истинные или мнимые упущения) уже около недели, получил возможность поработать по собственному плану.

Оно, конечно, хорошо, когда начальство не дергает по пустякам, но в то же время и тревожно – вдруг твои инициативы, которые казались очень умными и своевременными, на самом деле сочтены неуместными, а то и вредными. Оттого тебя и не зовут, давая время прочувствовать. Ничем серьезным это, разумеется, не грозило, не те времена и не тот начальник, но все равно неприятно, если хотя бы движением щеки будет выражено высочайшее неблаговоление.

А поводы для этого есть, чего уж прятать голову в песок.

Поиск группы Тарханова в параллельном мире, с использованием даже самолетов дальней разведки, результатов не принес. Сигналы, которые Маштаков считал имеющими смысл, оказались фоновыми, непонятного происхождения, никаких физических объектов, способных быть их источником, не обнаружено.

Печально, конечно, однако списывать ребят рано. Что там за математика с физикой, Чекменев не слишком понимал, однако верил профессору, пусть и иррационально. В любой момент они как исчезли, так и могут появиться.

Собственный многолетний опыт тоже подсказывал генералу, что поминки заказывать рано. Разведгруппы возвращаются и через два месяца, и через три после того, как пройдут все сроки. Это подводные лодки имеют непрерываемый запас автономности, да и то... Если сумеют найти подходящий остров в океане, так могут опровергнуть все ожидания. Вроде немецкого крейсера «Кенигсберг», который почти полтора года скрывался от англичан в дельте реки Руфиджи.²⁴

Насчет покойников, существующих в параллельном мире, Чекменев тоже не беспокоился. Смысл данного феномена поручено выяснить специалистам по биологии, медицине и на всякий случай – оккультным наукам. Вот пусть и занимаются. Разрабатывают теории и методики, ищут, ловят, допрашивают. Каждому своя работа. Будет что – доложат. Генералу достаточно знать, что в случае необходимости маневра через «Ад» помешать странные мертвецы не смогут. Танками, бомбами, огнеметами – прорвемся.

А вот обыкновенная, ничуть не мистическая политика Игоря Викторовича интересовала чрезвычайно. Будучи реалистом, он не верил ни в «бога из машины»²⁵, ни в «Вундерваффе»²⁶. Устранение с политической арены господина Каверзнева с его бестолковой Государственной думой двадцать пятого созыва должно быть обеспечено здесь, сейчас и наличными средствами.

Военная часть программы его (по умолчанию) не касалась, на то имеются специальные люди в Главном штабе, а вот организационно-политическое обеспечение смены государственного устройства – да. Это – его епархия.

И здесь, кажется, все идет как задумано и согласовано. Доктор Бубнов, отважно, хотя и безуспешно поучаствовав в поисках группы Тарханова – Ляхова, переключен обратно на программу «Верископ».

²⁴ Описание судьбы рейдера смотри в любом труде, посвященном истории боевых действий на море в Первой мировой войне.

²⁵ «Бог из машины» – в древнегреческой драматургии внезапное появление потусторонней силы, позволяющее автору достичь желаемого финала безотносительно к развитию сюжета.

²⁶ Вундерваффе – чудесное оружие – нечто такое, что якобы может решительно изменить ход войны и привести к победе помимо объективных факторов (нем.).

Ему поручено – ввиду дефицита времени – подобрать сотню-другую исполнителей среднего звена и попутно, пусть в первом приближении, дать заключение по кадровому резерву высших должностей.

Чекменев, в меру собственных возможностей и понимания проблемы, набросал для Бубнова инструкцию общего рода. То есть – сосредоточиться (пока) на исследовании принципиальной готовности кандидатов исполнять порученные (конкретно еще не определенные) обязанности в системе монархического проекта. Если человек разделяет главную идею, согласен посвятить ей жизнь и не предаст даже под угрозой гражданской или физической смерти – он подходит.

Это нечто вроде присяги, только на подсознательном уровне. Если аппарат покажет вероятность пригодности к предполагаемой функции 70—90%, человек используется немедленно или определяется в резерв первого разряда, 60—70% – разряд первый-второй, зависимо от привходящих обстоятельств. Ниже этого рубежа – претендент остается на реально занимаемом месте, но в личном деле ставится понятная лишь посвященным отметка. В смысле – выдвижения не заслуживает, нуждается в негласном надзоре.

Никаких санкций, естественно, такая отметка не предполагает, возможно, в будущем человек себя еще проявит, иногда – в совершенно неожиданной области, подобных случаев в истории сколько угодно, но на данном этапе ставка будет сделана на других людей.

Ну, попутно чиновники, еще не допущенные до сути проекта, однако сведущие в кадровой работе, ведут предварительную разбивку всех возможных претендентов (уже прошедших предварительный отбор и только готовящихся к нему) по вакансиям, подлежащим замещению и сегодня, и завтра.

Однако у Игоря Викторовича были и другие заботы, неотложные, чисто практические, требующие немедленных решений, независимо от того, что творится в высокоумных штабах и лабораториях. Именно здесь он и ощущал себя как рыба в воде, здесь находил душевное отдохновение от скуки придворно-канцелярских забот. Совершенно так не терпел и избегал этих забот и полковник Тарханов, что было прямо написано на его лице, как только Сергей появлялся в конторе.

Ну вот сегодня, где бы он ни был, полковник может быть доволен. Сбежал. И весь возвынужден тащить на себе он, Чекменев.

Только сейчас Игорь Викторович в полной мере осознал, как не хватает ему этих людей: и Тарханова, и Ляхова. Казалось бы, познакомились при странных обстоятельствах меньше года назад, и вдруг эти никому не известные офицеры стали буквально незаменимыми сотрудниками. Чисто случайно.

А если все пойдет как надо, проект «Верископ», глядишь, поможет поставить на поток подбор ничуть не худших, а то и значительно лучших соратников.

Вот где найти еще одного Розенцвейга – вопрос посложнее. Тут, пожалуй, и «Верископ» не поможет.

Ну, в очередной раз успокоил себя Чекменев, еще не вечер. Очень хотелось верить, что выкрутится Григорий Львович и тут, вернется живой и здоровый, да еще и с очередной бесценной информацией о загробном мире.

Заставив себя смотреть на жизнь легко и оптимистично, он вызвал Максима Бубнова и распорядился подготовить то самое помещение на острове, где две недели назад уже допрашивали турецкого эмиссара Фарид-бека, он же майор Карабекир, он же русский купец Насибов.

– Но только сделай, чтобы все точно так было, как тогда, уловил? Ему это очень должно поспособствовать к дальнейшей сговорчивости.

– Будет сделано, Игорь Викторович! – со вкусом прищелкнул каблуками Бубнов.

После пережитых приключений, получив подполковничий чин, покомандовав и повоевав, в том числе и с покойниками, Максим будто забыл о своем недавнем интеллигентном про-

шлом. И мундир он носил с удовольствием, и отвечал старшим начальникам четко, оставляя собственные рефлексии при себе. Если и не всегда, то до последней крайности.

Замысел Чекменева был ему вполне понятен. Хотя, конечно, генерал не совсем разобрался в психологии, в ее новейших достижениях. Ничего такого специального для Фарида не требовалось. Сломан турок был окончательно.

«Казалось бы, – тут же одернул себя Максим, – не раз уже приходилось встречаться со случаями, когда люди умели прикидываться так, что и в голову не придет».

Кто-то из знакомых докторов, работавших в тюремной системе, рассказывал, что единственный способ сохранить там положение и должность, а то и вообще выжить – не верить преступникам никогда и ни в чем. Какую бы слезу они ни пускали, как бы убедительно ни рассказывали о несправедливости полицейских, прокуроров и судей, ввергнувших их в узилище, – не верь. Даже если сотрудничает, стучит, приносит ценнейшую информацию – все равно.

А иначе своей головой ответишь за доверчивость и гуманизм.

Сдавшиеся и перевербованные шпионы ничуть не лучше. Даже хуже, поскольку уголовники – при любом стаже и количестве ходок – все-таки любители, специальных училищ и академий не кончали.

Сделал он все абсолютно так, как приказал генерал. И обстановку кабинета восстановил, что было совсем не трудно, и человека, отдаленно напоминающего Ляхова, нашел на роль фельдшера-оператора, одел его в медицинский халат и посадил на то же место. Осталось только позвонить и сообщить, что все готово.

...Чекменев, стараясь держаться подобно Тарханову при прошлом допросе, пусть и не надеясь оказаться на него похожим (тут ведь дело не в физическом подобии, а в общем совпадении антуража), расплылся в улыбке, увидев появившегося в кабинете турка.

Тот по-прежнему был одет в не способствующий самоуважению наряд военнопленного без статуса. Несмотря на искреннюю готовность сотрудничать, проявленную после первого и последующих допросов, подтвержденную сотнями страниц наговоренных на диктофон текстов чистосердечных признаний, никакого послабления в режиме содержания ему сделано не было. Рановато как бы.

– Итак, уважаемый, вот мы и снова встретились, – изображая радушие, сказал Чекменев, делая три шага навстречу Фариду.

– Извините, что-то не припоминаю, – осторожно ответил турок. – Возможно, память подводит...

– Да уж скорее всего. Однако суть не в этом. Разговаривать будем по старой схеме. Доктор, обеспечьте... – Игорь Викторович указал на хорошо знакомое Фариду кресло.

– Может быть, не надо? – страх на лице пленника был совершенно ненаигранным. – Я и без этого обещал полное содействие.

– Пустяки. У нас же все давно договорено. Вы не врете, машинка вас не наказывает. А прочее просто на всякий случай. Если у вас вдруг возникнут сомнения в необходимости полной искренности, так чтобы далеко не ходить... Вы же помните, честность – лучшая политика.

Чекменев подымил папироской, деликатно пуская дым в сторону, потом тоном, не предполагающим ответа со стороны подследственного, спросил, как бы к слову:

– Господин Катранджи, его костоломы и вы лично по отношению к объектам воздействия всегда снисходили к их естественным мольбам о гуманности?

Это – подействовало. Даже лучше, чем Игорь Викторович ожидал. Похоже, пациенту было что вспомнить.

– Ну, хорошо, хорошо, тогда единственно прошу – задавайте свои вопросы, не торопясь, и давайте мне возможность обдумывать ответы. А то вдруг сорвется что-то машинально...

– Да, тогда вам не позавидуешь, – сокрушенно-сочувственно покивал Чекменев головой. – Однако приступим, – тут же продолжил он с улыбкой, которую один из классиков российской литературы определил бы как «негодяйскую».

Вид сломленного человека, даже если это жестокий враг, всегда был генералу неприятен. Чисто эстетически. Потому он надеялся, что турок не сломлен. Исходя из того, как он юлил на предыдущих допросах и пытается юлить даже сейчас, выторговывая себе хоть минимальную степень свободы для маневра. Да и то, что удалось узнать о характере этого человека из подробного досье, составленного по данным своей разведки и «дружественных» спецслужб, отнюдь не предполагало легкой победы.

Просто человек в тяжелой ситуации пытается выжить любым доступным способом. Хотя бы «теряя лицо». Да и то, «потеря лица» – категория относительная. Иезуит, к примеру, имел право, в интересах дела, даже публично отречься от истинной веры и перейти в мусульманство, всего лишь прошептав: «Ад майорем Деи глориам!», то есть «К вящей славе божьей!» – и все, и греха на тебе нет.

Да и окончательно сломленный Карабекир Чекменеву был не нужен. Проигравший и униженный разведчик, «опущенный», выражаясь языком преступного мира, но оставленный в живых, рано или поздно найдет способ отомстить, подчас не считаясь и с собственной судьбой. Подобные случаи давно и хорошо известны.

А генерал имел на майора виды, предполагающие вполне равноценного и адекватного партнера. Поэтому сейчас он ограничился вопросом беглым, вполне формальным, касающимся, по преимуществу, лишь некоторых подробностей личной и трудовой биографии майора Карабекира.

Осциллограф показал несколько всплесков, намекающих на то, что пациент либо испытывал некоторые сомнения по форме своего ответа, либо колебался, не слишком надеясь на собственную память. Все это было извинительно, тем более что Чекменев предварительно болевой эффектор все-таки отключил.

– Хорошо, уважаемый. Считаем, что данный сеанс мы закончили. – Генерал снова закурил сам и протянул папиросу турку. Папироса, кстати, была именно турецкая, и из самых дорогих. – Сейчас вас отвезут в тюрьму и таких уже не предложат. Пользуйтесь моей добротой.

Пока Максим отстегивал контакты и датчики, Чекменев сидел с совершенно стертым выражением лица. Никаким.

Будто тракторист на пашне, закончивший борозду и, перед тем как погнать обратно, бездумно дымящий махорочной скруткой, глядя на соседнюю лесополосу и совершенно ее не замечая, поскольку примелькалась она, за двадцать прогонов туда-сюда, до полной неразличимости.

Фарид встал с кресла с явным облегчением, и видно было, что ничего ему так сейчас не хочется, как вернуться в свою камеру, ставшую ближе родного дома, съесть тюремную пайку, поскольку передач ему получать неоткуда было, вытянуть кружку чифирия, растянуться на койке и радоваться, что еще один день прожит без существенного ухудшения положения. А завтра – оно завтра и будет.

Встал из-за стола и Чекменев.

Держать паузу – главное умение не только для актера театра Вахтангова, но и для специалиста смежной, так сказать, профессии.

Фарида конвоир повел на выход.

Генерал, отпустив их шагов на пять, двинулся следом.

И уже в прихожей, откуда дугообразная лестница уходила на второй этаж, в мезонин, а входная металлическая дверь распахнулась, открывая путь к ждущему пассажира чреву тюремной машины, Чекменев сказал негромко в спину конвоиру-автоматчику:

– Отставить. Веди обратно. Туда.

Турок обернулся, спинным мозгом почувствовав, что судьба еще раз меняется.

Гяур, который умеет быть коварнее, чем любой мусульманин, именно потому, что не сдерживают его ни адаты, ни шариат, и вообще их исторический опыт на тысячу лет длиннее, улыбался, демонстрируя большую часть своих зубов.

– Туда, – повторил Чекменев, указывая солдату на лестницу, похлопал себя по карману, будто проверяя, на месте ли пистолет, и радушно предложил Фариду: – А вы идите, идите, хуже не будет...

Многие считают, что пресловутые «театральные эффекты» – это плохо. Неизящно, мол, не соответствует тонкому вкусу, высоким эстетическим принципам, и вообще.

А на самом деле – именно примитивные, театральные, мелодраматические, вышибающие слезу у неискушенной публики штуки обычно достигают цели убойно и с минимальными затратами интеллектуальной энергии.

Вот и сейчас. Что более всего способно произвести впечатление на тюремного сидельца? Не тупого бандита с большой дороги, а человека, пусть и азиата, но имеющего понятие о европейской культуре и успевшего пожить приличной, цивилизованной жизнью. Судя по принадлежавшим ему домам и магазинам в Киеве и Петрограде, счетам в банках и многом другом, о чем имелись достоверные сведения... Готовившегося ухватить христианского бога, а если повезет – и самого Аллаха за бороду, а вместо того ввергнутого в гнусное узилище. Где только одна остается светлая надежда, что не переведут в общую камеру, густо населенную уголовниками. О такой возможности, кстати, ему время от времени намекал корпусной дежурный.

И вот вдруг последний тычок автоматным стволом в поясницу, шаг через порог, а за ним...

Длинная, с тремя окнами по каждой из сторон, комната. Посередине – стол, на котором приборы, обещающие нечто лучшее, чем стандартная тюремная пайка. Приятные запахи от индийских курительных палочек. Мягкие кресла у дальнего торца стола, напротив друг друга. И еще кое-какие приятные детали и подробности интерьера.

Так бы могла выглядеть столовая в доме не слишком богатого, но радушного помещика Вологодской или, допустим, Костромской губернии, где гости редки и принять их хочется получше. Тепло, тихо, за стеклами раскачиваются от ветра ветви обсыпанной малиново-алыми гроздьями калины.

– А теперь, Федор Михайлович, господин Насибов, купец второй гильдии, поговорим без церемоний, а главное – без дураков?

Чекменев снова выдержал паузу, дождался, когда гость, не имея иного выхода, глубоко вздохнул носом и кивнул, признавая, что условия игры принимает.

– Отлично. Тогда – выпейте для разгона, только немного, поешьте, как следует, и обсудим кое-что. Это, смею заметить, ваш последний приемлемый шанс. Все другие – врагу не пожелаю. Точнее, пожелаю, конечно, и постараюсь сделать, чтобы врагу было как можно хуже, но на вас это мнение пока еще не распространяется. Уловили, оценили?

Чекменев всегда все рассчитывал тщательно. Самое время устроить узнику маленький праздник. Три недели – как раз подходящий срок, чтобы человеку смертельно надоела тюремная пища, но он к ней еще не приспособился настолько, чтобы мечтать отнюдь не о ресторанных разносолах, а просто о лишнем черпаке перловой каши и пайке ржаного хлеба.

Для вящего эффекта прислуживал им не денщик обыкновенный, а соответственно выглядевший лакей, с льняной салфеткой через локоть. Он подкатил сервировочный столик, из одного пышущего жаром судка разложил по тарелкам бефстроганов, из другого отсыпал картофельной соломки, в отдельных соусниках подал густую подливу. Второй служитель, на вид рангом выше, в коротком красном переднике поверх ливрейного костюма, подкатил тележку с напитками. Чекменев пальцем указал на бутылку красного сухого вина. Тонкая струя с приятным журчанием потекла в тюльпановидные бокалы.

Пока Фарид ел, чересчур, может быть, жадно и торопливо для истинно светского человека (да и где ему было научиться приличному поведению, не в Турции же, где плов едят руками, а насытившись, звучно рыгают, чтобы сделать приятное хозяину? А благоприобретенные европейские привычки тюрьма отбивает очень здорово), Игорь Викторович, откинувшись на спинку кресла, неторопливо и со вкусом курил.

На этот раз – трубку, снятую со специальной подставки, где расположились, как шлюпки на кильблоках, десятка три самых разных – вересковых, вишневых, пенковых, фарфоровых, с гладкими и бугристыми чашками, прямыми и изогнутыми мундштуками.

Не сказать, чтобы Чекменев был таким уж поклонником трубок, но в полдюжины ролей, которые он для себя давным-давно сочинил и отрепетировал, входила и такая.

В данный конкретный момент он продолжал играть намеченную роль доброго помещика, слегка расслабленного сибарита, обожающего трубки, домашние настойки на плодах, ягодах и травах, карты, ружейную охоту и рыбалку.

Были у него и другие варианты работы с клиентами, для них – другие служебные дома и квартиры. Зависимо от замысла. Могло ведь потребоваться место, где нужно обсудить насущные вопросы со сторонниками протопопы Аввакума или секты турбореалистов.

И везде Игорь Викторович ухитрялся выглядеть совершенно конгениально²⁷. А что подлаешь, работа такая, он уже успел и забыть о своих естественных вкусах и привязанностях.

– Итак, Федор Михайлович, – сказал Чекменев, когда пациент насытился и в меру захмелел, поскольку виночерпий подливал ему ненавязчиво, но постоянно и в нужном темпе. – Надеюсь, вы на подчиненных мне людей не в обиде?

– Да что уж там, господин Чекменев, какие обиды, – совершенно без всякого акцента ответил Фарид. – Работа у нас такая.

То, что Карабекир, он же Насибов, несмотря ни на что, сохранил здравость мысли, узнал его в лицо и дословно повторил недавно мелькнувшую в мозгу у генерала фразу о работе, неприятно царапнуло. Ну а с другой стороны... Специалист, что возразишь!

В плюс ему запишем, лишним бокалом вина вознаградим, а заодно и себя рюмочкой. Все же умный турок сидит перед ним в качестве пленника, совсем не наоборот. Это – утешает и проясняет, кто есть кто на самом деле.

– Раз не в обиде, то начинаем говорить по делу. Как вы, надеюсь, успели осознать и продумать, того, что вы нам наговорили в ходе допросов, хватит, чтобы любой ваш хозяин и куратор намотал вам кишки на шомпол. Так?

– Да, скорее всего. В отличие от вас, европейцев, мои соотечественники и единоверцы гораздо менее толерантны к объективным обстоятельствам.

– Рад, что вы это понимаете... – Чекменев расплылся в самой располагающей из своих улыбок. Но с легким подергиванием щеки. Знающий его близко человек мог бы и испугаться.

Если бы... Если бы ему только было позволено, он показал бы, чего на самом деле стоит его «цивилизованная толерантность». Как цивилизованный человек может (должен) обращаться с подобной Фариду сволочью. Эх, Алексей Петрович Ермолов, куда ушли ваши времена? Но нет, прочь подобные мысли. Мы по-прежнему будем улыбаться и делать вид, что помним о собственной европеизированности и каких-то там конвенциях. До нужного момента...

– Да, – легонько постучал он трубкой о край пепельницы, стряхивая лишнюю золу, – мы, увы, толерантны настолько, что способны не только понимать вас, грязных азиатских дикарей, но и прощать.

²⁷ Конгениальный – совпадающий, соответствующий по духу, образу мыслей, дарованию (лат.). Напр.: «Работа режиссера конгениальна сценарию». Остап Бендер в известном романе употреблял этот термин неправильно.

Мне, разумеется, жаль мирных людей и бойцов, что погибли в ходе вашей, вполне дурацкой по замыслу и гнусной по исполнению, пятигорской акции... Однако естественное чувство негодования значительно смягчается тем, что единственный наш офицер поставил раком всю вашу кодлу, а указанная поза, особенно если доведена до логического конца, вроде бы должна покрыть позором не только вас лично, господин майор, но и многочисленных потомков ваших.

К сожалению, у нас уже забыта традиция сочинять былины и песни, восхваляющие наши подвиги, но уж в обычной журналистике, а там и в беллетристике все это будет изложено как надо. Со вкусом.

Аналога графа Толстого с его «Хаджи-Муратом», где он, на мой взгляд, впад в старческий маразм, проявил недопустимую терпимость и сочувствие к врагам Отечества, у нас, по счастью, на сей день не просматривается. Дешевые продажные писаки не в счет. Зато уж расписать все случившееся в Пятигорске с должным надрывом смогут многие.

Особенно если мы попросим сделать так, чтобы тексты апеллировали больше к иностранному читателю, нежели к отечественному. И были оснащены массой цитат из ваших добровольных и заверенных подписью показаний. С упоминанием самых нелестных ваших характеристик в адрес господина Катранджи, известных нам обоим имен руководящих лиц ведущих европейских держав и... еще кое-чего. Так что готовьтесь, коллега.

Кроме того, я не по должности, а просто от природы – циник. Ибо это самая естественная реакция мыслящего человека при созерцании происходящего вокруг. Потому вашим родственникам вряд ли понравится то, что после некоторых ваших высказываний в адрес Корана, Пророка и веры подумают и сделают муллы. Про судьбу Сулеймана Бушби помните?

– Позвольте! – вдруг вскинулся Фарид. – Уж это – прямая, гнусная ложь! Я мусульманин! И на такие темы разговоров вообще не было!

– Да не позволю, не позволю, все равно вы снова врете, пользуясь отсутствием здесь милейшего доктора с его «Верископом». Какой вы на хер мусульманин? Вам что, прямо сейчас начать цитировать Священные тексты и все заветы, которые вы нарушили, не имея на это никакого права? И ваши слова, записанные на магнитофон, что при современном развитии техники будут звучать стопроцентно подлинно. А вы в ответ зачитаете мне Нагорную проповедь, положения которой я тоже нарушаю? Кончайте дурака из себя строить, Федор Михайлович. Или мы с вами сейчас договоримся, как два нормальных человека, озабоченных прежде всего собственными интересами, или...

Ну, вы, наверное, уже поняли, что в моих устах означает это «или». У вас же, в свою очередь, никакого «или» для меня нет. Так что, еще дурака поваляем? Пожалуйста. Но ровно столько времени, которое потребуется, чтобы я выпил эту рюмку.

– Я вас слушаю, Игорь Викторович.

То, что собеседник понял его правильно и, значит, партию он свою провел с блеском, Чекменева порадовало. Кто-то скажет, что никакой тут нет особой доблести – напугать и привести к покорности находящегося в полной твоей власти пленного врага, и будет не прав.

Нужно же ведь заодно сообразить: а отчего же это вдруг, в силу каких причин он у нас в плену оказался, а отнюдь не наоборот? А если бы пришлось нам поменяться местами, какой бы в этом случае состоялся разговор?

Вопрос, большой вопрос: сумел бы Фарид сломать Чекменева столь же быстро или даже вообще сумел бы?

Исторический опыт бесчисленных русско-турецких войн, да и среднеазиатских экспедиций показывает, что по какой-то малопонятной рационально мыслящим людям причине, до глупости с врагом гуманные, русские солдаты в боях стояли до конца, а будучи захваченными в плен, переносили бессмысленно жестокие пытки, даже и на кол садились, не дрогнув. Перекрестившись напоследок, крикнув, если было кому: «Прощайте, братцы!» А если нет, так прошептав: «Ну что ж, не мы первые, не мы последние».

А в гораздо менее острой ситуации до невозможности отчаянные и столь же жестокие башибузуки, янычары, шахиды²⁸ ползали на коленях и целовали пыльные сапоги тех же самых, не успевших попасть им в руки русских солдат, вымаливая пощаду любой ценой.

Конечно, не будем обобщать и делать далеко идущие выводы, но ведь тенденция, однако! Чекменев, по крайней мере, был уверен, что он бы так легко не сдался.

Да хотя бы именно сейчас, пришлось ему поменяться местом с Фаридом в этой вот ситуации, он, не шевельнув лишний раз лицевыми мускулами, огляделся бы по сторонам, якобы любуясь обстановкой, и прыгнул бы вбок – назад, опрокидывая ногами стол на собеседника, сорвал со стены одно из крестообразно повешенных охотничьих ружей и – с размаху, прикладом по голове уверовавшего в свою полную моральную победу врага!

А уж дальше – как выйдет. Уйти живым вряд ли удастся, но шороху наделал бы знатного. Наша ведь поговорка: помирать, так с музыкой!

– Нет-нет, Игорь Викторович, не ждите от меня никаких неожиданностей, – с обезоруживающей ухмылкой сказал турок. – Я прекрасно догадываюсь, о чем вы сейчас думаете. Я очень неплохо разбираюсь в идеомоторике и в вашей психологии тоже, все-таки почти десять лет прожил в России, и ведь не просто так прожил, как разведчик прожил. А вот хотите, проверим? Вы позволите?..

Не успел Чекменев кивнуть, как Фарид встал, подергал висящие на стене ружья. Ни одно из них даже не шелохнулось. Кроме довольно хлипких на вид кронштейнов, на которых ружья лежали, они были прихвачены к стене почти незаметными, но прочными стальными шпильками, пропущенными сквозь антабки.

– Зачем же мне нужно было дергаться, рискуя тем, пусть пока и слабым, авторитетом, что я успел у вас завоевать? Тем более...

На пороге родного дома я, без сомнения, дрался бы с вами насмерть, а здесь-то зачем? Работал я всегда исключительно за деньги, поскольку идеи пантюркизма или там исламской солидарности меня и в самом деле не волнуют... – Он вполне естественно рассмеялся. – Со времен Ататюрка прошло восемьдесят лет, а мы так еще и не сумели собственную страну обустроить на средневропейский манер. Зачем нам что-то еще?

Поэтому поверьте мне, Игорь Викторович, никаких я больше тайных замыслов не лелею. Обошлись вы со мной по-человечески – я это понимаю и ценю. Спасибо вашему полковнику, что не оставил меня в Пятигорске. Там разговоры были бы другие. Говорите, чего вы от меня хотите сейчас...

«Что ж, слава богу», – подумал Чекменев. В своих расчетах он не ошибся. Чуть не так собирався построить разговор, но итог в принципе тот же.

Однако даже в мелочи дать противнику почувствовать свое превосходство или хотя бы равенство с «хозяином положения» было нельзя.

– Что ружья закреплены – догадаться нетрудно. Но вы ж могли и креслом мне голову раскроить, и этой, например, бутылкой, очень неплохо могло получиться, – с этими словами генерал налил чарку себе и немного плеснул Карабекиру. – А насчет порога собственного дома, вы уж извините и меня тоже – это дешевый треп. Офицер, который не хочет при первом удобном случае отомстить за оскорбление своей чести, и свой дом вряд ли сумеет защитить...

Поднял рюмку на уровень глаз, кивнул Фариду, но чокаться не стал. Одним глотком выпил.

– Но я же не русский офицер, – мягко улыбнулся турок. – И даже совсем не офицер сейчас. Я знаю, как следует поступать в соответствии с вашей славянской натурой, и смог бы симитировать соответствующую реакцию, но – зачем? У меня же менталитет совсем другой. Вот и останемся каждый при своем. Говорите, что вы хотели мне сказать, Игорь Викторович.

²⁸ В общем смысле – бойцы за веру. Заведомо готовые к героической смерти.

И только после этих слов выцедил рюмку.

«Пожалуй, да, заболтались, – подумал Чекменев, – но все равно этот разговор на пользу. И мне, и ему. В рассуждении будущего. Работа ж не сегодня кончается».

– Ладно, значит, переходим непосредственно к баранам. Все, что я от вас хочу, это чтобы с данного момента вы согласились работать непосредственно на меня. Ни на Российскую империю, ни на Великого князя, которому, как вы знаете, я служу, ни на господина Катранджи, а только на меня. Я вас хочу нанять на работу как своего личного агента. Проверку, в том числе и последнюю, именно сейчас вот, вы выдержали. Осталось сойтись в цене.

– Может, прежде чем говорить о цене, стоит упомянуть о круге задач и обязанностей? – деликатно осведомился Фарид.

– Когда джентльмен нанимает слугу, он обычно не распространяется о мелких деталях. Если вы согласны воспринимать меня именно как работодателя, то должны сообразить, что грабить на большой дороге или убивать старушек-процентщиц я вас вряд ли пошлю. А самое главное – альтернатив вам абсолютно никаких не остается. Отсюда вы выходите либо на свободу, чтобы заняться опасным, не скрою, делом, но заработным и в целом вам привычным. Либо...

До настоящего времени вы были в предварительном заключении, в случае отказа попадете в окончательное. В почти аналогичном случае один мой пациент, для утешения, попросил в камеру роман «Граф Монте-Кристо». Том первый. До второго он дожить не планировал. Вам я тоже не посмею отказать. Хотя, может быть, турецкая литература имеет свою классику подходящего содержания? Только скажите. Хотя, конечно, вряд ли узники ваших зинданов имели время и условия, чтобы мемуары писать...

С удовольствием, которое пусть и в небольшой степени, но компенсировало Чекменеву неприятности последних дней, он всматривался в лицо противника, который, пусть и не слишком заслуженно, как бы сосредоточил в себе все, что нервировало генерала, как застарелая зубная боль.

Держится в принципе нормально, в пределах предварительного прогноза. Если согласится, работать будет. Деваться ему все равно некуда. Разумеется, под контролем, кто ж его из-под контроля-то выпустит?

– Так что, Федор Михайлович, да, нет?

– Скорее, да.

– Тогда продолжим... В самую суть стоящих передо мной проблем я вас посвящать не буду. Чтобы голову не перегружать. А вот чего я хочу от вас, сейчас и конкретно. Я хочу, чтобы вы более или менее забыли о том, что случилось, начиная от печального для вас утра нападения на Пятигорск и до сегодняшнего момента. То есть эмоционально имеете право помнить, что вам угодно. Только в реальную жизнь эти воспоминания переносить не нужно. Это я вам как психоаналитик говорю. Тем более, к вашему удивлению, я вас попрошу делать исключительно то, что и без моей просьбы входит в круг ваших, уже оплаченных господином Катранджи обязанностей...

Вот тут турецкий майор слегка растерялся. И правильно.

Он-то наверняка ждал совершенно противоположного. К примеру, задания вернуться домой, проникнуть в окружение Ибрагима Катранджи, суметь как-то замотивировать провал и последующее возвращение, легализоваться по новой и вести там смертельно опасную работу на грани ежедневного провала.

– Придется вам поехать не в Стамбул и не в Бейрут, а совсем даже в Варшаву. Разыскать там господина, известного нам под кличкой «Станислав», и приступить вместе с ним к реализации того, зачем эфенди Ибрагим послал этого молодого человека на его историческую родину.

– А вы знаете, для чего он его туда послал?

– Как же иначе? Восстановить сильно нами порушенную сеть «Армии Крайовой» и «Народовых сил збройных», активизировать контакты с литовским и галицийским подпольем, забыв о прошлых обидах, в удобный момент поднять мятежи в Варшаве, Вильно, Львове. Что-то я такое слышал насчет очередного плана возрождения Великопольши, пусть и не от моря до моря, но в достаточно протяженных границах. И вроде бы даже державы – члены нашего Союза – обещали сепаратистам с пониманием отнестись к их притязаниям, если, разумеется, успех будет впечатляющим, а Россия по какой-то причине не успеет или не решится на интервенцию.

Там ведь в чем весь фокус – на Западе привыкли думать, что принадлежащая России бывшая польская территория ею как бы оккупирована, а та, что к Германии и Австрии отошла, – та вернулась в лоно европейской цивилизации. И ежели Восточная Польша восстанет против угнетателей, да под девизом воссоединения и возрождения – мировое общественное мнение отнесется с пониманием. Совершенно как в 1863 году. Только что на коленях государя нашего австрийский император умолял помочь, а как помогли, тут и поднялся крик! Жандарм, мол, Европы, душитель свобод... нарушение границ... Я правильно все понимаю? Нынешняя цель ваших хозяев и работодателей – такая же?

Карабекир не мог не признать, осведомлен господин генерал вполне достаточно.

– Вот вы и приложите все свои силы и способности, чтобы наилучшим образом выполнить свое задание. Ну, на Кавказе немного не получилось, зато там должно получиться. Все понятно? Оперативное сопровождение вы получите первоклассное. Средства, как я понимаю, у инсургентов имеются, а с приобретением оружия, вербовкой «национально мыслящих» представителей муниципальных и уездных властей поможем в меру сил...

Чекменев ждал только одного. Какой следующий вопрос задаст ему Карабекир. От этого зависело многое.

– Так, Игорь Викторович. Это мне понятно. Я в Киеве не зря учился. И украинские диалекты знаю, и польский язык более или менее. Одно остается уточнить. Сумма гонорара и гарантии безопасности.

Чекменев рассмеялся облегченно. Так, чтобы это было заметно – облегчение. Но заметно только очень внимательному человеку. У которого жизнь и свобода на кону. Мол, чуть-чуть потерял над собой контроль вербовщик, а что удивительного, слишком много нервов ушло на предыдущую игру. И тут же взял себя в руки, замаскировал один вид смеха другим, тоже чуть-чуть, но издевательским.

– На слишком большой – не рассчитывайте. Один раз вы уже получили. Сколько сумеете присвоить из сумм, принадлежащих конфиденстам, – только от вашей ловкости зависит. Ну а я заплачу по средним ставкам за такого рода работу. Масштаб цен вы представляете. Торг, может быть, и будет уместен, но позже, позже... Когда какой-то результат проявится.

Карабекир кивнул. В смысле, что данный вариант его устраивает.

– Но второе, Игорь Викторович, – гарантии безопасности. С ними как?

Тут уже ничего имитировать и не нужно было.

Посмеялся Чекменев от души, даже, кажется, слезы вытер в уголках глаз. Снова закурил, подвинул турку рюмку, в какой-то незамеченный момент наполненную лакеем, умевшим появляться и исчезать так, что о каких-то еще собственных неосторожных движениях Фариду следовало окончательно забыть.

– Вы, когда к Ибрагиму подражались, надеюсь, такого вопроса не задали? Или все же?... Тогда вы очень смелый человек, майор. Гарантии – ваша ловкость, ум и благоразумие. Знаете, не помню, кто это сказал: «Дай мне бог сил изменить то, что я в силах изменить, терпения – перенести то, что я изменить не в силах, и мудрости – вовремя отличить одно от другого». Ничего сверх этого я вам пожелать не могу. Зато могу гарантировать, что, если мудрости вам не хватит, на мою снисходительность вы можете рассчитывать в самую последнюю очередь. На этом теоретическую часть нашего разговора я считаю законченной. А к практической перейдем

завтра утром. Ну, как это водится, подработаем легенду, наметим этапы ее реализации, пароли, явки и все такое прочее. Мы же с вами специалисты как-никак.

Глава 5

Князь возвращался из «Берендеевки», окончательно укрепившись в мысли, что, только осуществив задуманное, пусть и с риском для собственного реноме и политической позиции, он сможет с чистым сердцем действовать дальше. Тогда уж его не сможет упрекнуть никто – ни история, ни собственная совесть.

За рулем он сидел сам. Вождение машины по лесным дорогам очень способствует снятию нервного напряжения.

Автомобиль, «Руссо-Балт 3500 С», построенный более сорока лет назад по личному заказу позапрошлого предшественника на посту Местоблюстителя, приходившегося ему двоюродным дядькой, Павла Кирилловича, по-прежнему работал на уровне лучших образцов «Роллс-Ройса».

А отчего бы и нет? Двухтонная машина рамной конструкции, собранная на специальном стенде самыми квалифицированными рабочими Риги, из лучших деталей, каждая из которых прошла особый отбор по всем техническим стандартам и материаловедческим экспертизам, могла ездить по замыслу практически вечно.

Разумеется, при должном уходе и обслуживании. И что такое пройденные четыреста тысяч километров, если именной сертификат, подписанный начальником спеццеха и главным технологом, гарантировал миллион до первого капремонта.

Уже, наверное, ни их, ни большинства мастеров и в живых не осталось. А автомобиль – как новенький.

К услугам князя имелся обшитый натуральной кожей салон, с мягкими пружинными диванами, хрустальными пепельницами, баром и подобающим его должности радиооборудованием, мягко покачивающийся на великолепных рессорах и масляных амортизаторах. Первый хозяин «Руссо-Балта», большой любитель и ходок по женской части, очень уважал приглашать в этот будуар на колесах дам, претендующих стать фаворитками, и большую часть цифр на одометре накрутил именно в таких куртуазных поездках.

Олег же Константинович, из собственным образом понимаемого снобизма, обычно садился «на облучок», место шофера, полностью изолированное от пассажирской каретки и по дизайну повторяющее стиль двадцатых годов прошлого века.

Легко придерживая ладонью массивный деревянный руль с надраенными бронзовыми спицами, привычно управляясь с чрезмерным, по нынешним временам, количеством рычагов, педалей и тумблеров, Местоблюститель любовался сквозь открытые оконные проемы одновременно грустной и настраивающей на приподнято-оптимистический лад увядающей осенней красой ближнего Подмосковья.

Не так уж часто выдается время для чистой эстетики. Вот будь он японским императором, круглые сутки созерцал бы сады камней, скрюченную пятисотлетнюю сакуру на фоне полной луны, описывая впечатления в изысканных хокку. Увы – не дано.

Но, как выражаются в народе, за неимением гербовой пишем на клочетной. Сейчас, например, чтобы слегка отвлечься от предстоящих очень нелегких забот и решений, князь обдумывал, как бы пример везущего его автомобиля следовало бы распространить на подвластную ему территорию, а в перспективе, конечно, и на всю империю.

Сохранность, надежность и не подверженная зигзагам моды красота машины отлично демонстрирует ненужность так называемого технического прогресса. Ложно понимаемого. Он еще допустим, скажем, в области военной техники, если приходится участвовать в гонке вооружений с вероятным противником. А в остальной жизни – зачем? Способны ли принести счастье или пользу невиданная ранее форма кузова, фар, материал обивки салона или увеличен-

ная вдвое мощность двигателя. Деды-прадеды вон ездили на двадцатисильных «Фордах» – и ничего, добирались куда надо и вовремя.

Следует, пожалуй, принять закон, запрещающий какие-либо технические изыски в бытовой сфере. Мебель там, радиоаппаратура, стиральные машины, холодильники, автомобили et cetera.²⁹

И напротив, обязывающий изготавливать указанные предметы из максимально долговечных материалов. Ведь любому понятно, что машина на раме, с корпусом из двухмиллиметрового металла, луженого или оцинкованного, прослужит в двадцать раз дольше, чем таковая же из полумиллиметрового. Соответственно, экономия материалов и трудозатрат будет также в двадцать раз больше. А империя сможет использовать и материалы, и рабочее время подданных на более важные цели.

В конце-то концов, каково назначение автомобиля: доставить владельца и пассажиров из пункта А в пункт Б с гарантией и возможным комфортом. Дизайнерские изыски на эту задачу никак не влияют.

То же касается мебели из прочных пород дерева, черепицы как материала для крыш, ламповых радиоприемников и многого, многого другого. Нет, ну о чем спорить? Олег Константинович уже больше четверти века носил ручной работы шевровые сапоги с прокладкой из рыбьей кожи, лишь время от времени меняя стирающиеся стальные подковки и кожаные подметки, и они с годами становились только мягче и удобнее. А сколько заводской обуви из дешевых кожаменителей пришлось бы купить за тот же срок?

Князь сделал в памяти зарубку. Следует поручить специалистам рассчитать данные соображения применительно к масштабам страны и оценить предполагаемый экономический эффект. Нет, если такового не обнаружится, он настаивать не будет, он же не догматик.

Но интуиция подсказывает.

Это как с оружием. Сколько раз ему уже говорили, что пора отказаться от «безнадежно устаревших» дегтяревских автоматов и пулеметов, перейти на более современные образцы. Как вон на Западе.

И что? Поощряли изобретателей, назначали конкурсы, проводили испытания, оценивали боевую эффективность. Платили серьезные деньги, кстати.

Оказалось – убить неприятеля можно одинаково, что из старого, что из суперсовременного оружия. Если вообще умеешь целиться и нажимать на спуск. И что толку, если техническая скорострельность и прицельность из автомата того же Николаева, скажем, выше, чем у «ППД», на 20 процентов? Так это же – при стрельбе в тире, кадровым офицером-испытателем.

Рядовые солдаты в поле мажут и из того, и из другого практически одинаково. При полноторном перерасходе патронов. Зато стоимость перевооружения армии, организации производства нового оружия и боеприпасов составляет семизначное число. Так зачем? Дать кое-кому заработать? Обойдутся.

Куда дешевле на пару месяцев удлинить срок стрелковой подготовки солдат.

Собственная рассудительность князю понравилась. Так он и будет организовывать жизнь всей России, когда получит соответствующую возможность. Рациональность и разумная экономия во всем! Откуда и вырастет столь нужная русскому народу стабильность и вера в будущее.

Вот англичане этим чувством обладают в полной мере. Заседают в парламенте, которому семьсот лет, следуют еще более древним законам, когда судья судит по прецеденту тысяча триста какого-то года, живут в домах, построенных дедами прадедов, едят с тарелок эпохи Тюдоров. Это же чудесно!

²⁹ Et cetera – и прочее, и так далее (лат.).

И россиянам бы пора начинать жить традициями. Пусть и с автомобилями это начнется, раз уж именно «Руссо-Балт» послужил толчком... Сколь полезно для развития чувства стабильности и укорененности в жизни, если сын унаследует машину, которую отец купил в его раннем детстве. С которой связаны все самые яркие впечатления: запах бензина, лака, кожи сидений, семейные выезды на природу, путешествия по стране, первая попытка тронуть машину с места, первая поездка без инструктора на правом сиденье... А потом этот же автомобиль, привычный и родной, обросший тысячами воспоминаний и легенд, перейдет и к внукам...

За мыслями, вроде бы и легкими, поверхностными, но несущими в себе нешуточный задел на будущее, когда князь действительно сможет определять образ и направление жизни своих подданных (к лучшему, разумеется – только к лучшему), время прошло незаметно. Машина въехала в Москву со стороны знаменитой Владимирки, тракта, по которому две сотни лет гоняли этапы каторжан, обреченных на сибирские рудники. Покатилась по протяженному шоссе, редко застроенному коттеджами и виллами причудливой архитектуры, через Измайловский парк, Таганку, через Солянку до Лубянской площади.

Этот неспешный, со скоростью до сорока верст в час проезд по вверенному его попечению городу тоже очень способствовал полету державной мысли. «Взяв в удел» древнюю столицу, его предшественники сумели не допустить никакого архитектурного модернизма и волюнтаризма, сберегли Москву такой, как приняли в далеком 1920 году.

Благоустраивали, да, сносили ветхие и не представляющие ценности строения, расширяли улицы, озеленяли. Но то, что делало Первопрестольную именно этим, единственным в мире городом, культивировали и сохраняли, грамотно реставрировали и приумножали. Строили много, как же без того, но исключительно по согласованию с Историко-архивным департаментом, в который сами же и внедрились до удивления лютых ревнителей московской самобытности. А возглавлял его, вплоть до своей безвременной кончины в девяностопятилетнем возрасте не кто иной, как сам Владимир Гиляровский.

Отчего город к началу нового тысячелетия получился уникальный и чудесный. Куда там пресловутому Парижу!

Внутри Садового кольца – почти полностью свободный от частного автотранспорта. Внутри Бульварного – исключительно пешеходный. Не считая, разумеется, густой сети трамваев и станций метро чуть не через каждые полверсты.

Несколько десятков квадратных километров бульваров, аллей, скверов. Первые этажи домов – магазины, художественные салоны, кабаре и варьете. В теплое время года – кафе, трактиры, ресторанчики выставляют столики на тротуары. Антиквары, старьевщики, букинисты торгуют с лотков и вразнос всем, что только можно вообразить.

Олег Константинович сам регулярно выходил «на охоту» за раритетами по расходящимся от Кремля радиусам: по Арбату, Петровке, Неглинной, Сретенке, Мясницкой. И почти всегда возвращался с интересной добычей. Иногда это был подлинник стенограммы заседания 9-го съезда РКП(б), истерического, проходившего уже под грохот пушек Кронштадтского восстания, отпечатанный на машинке «Ремингтон» непривычно крупными буквами и с рукописными пометками тогдашних вождей. Иногда – с обколотой эмалью значок бойца Русской Особой бригады, защищавшей Париж в 1915 году, а то и просто граненая стопка мутного зеленого стекла с пузырьками воздуха внутри, изготовленная аккурат перед наполеоновским нашествием.

Короче – жить в этой Москве было приятно и интересно. А кому не нравятся наши обычаи и привычки – скатертью дорога.

Подлинно деловая инициатива, в том числе и архитектурные изыски любителей небоскребов и новомодных «гипермаркетов», всячески поощрялась. Но – не ближе двух верст от линии Окружной железной дороги. Помимо всего прочего, это разгружало центр от транспорта

и излишнего населения, поскольку очень приличная квартира на Воробьевых горах или за Останкином стоила раз в десять дешевле, чем на Бульварах.

Отчего всякие Мытищи, Химки и прочие прилегающие городишки и поселки давно стали аналогами Манхэттена, Бирмингема и Детройта, зато центр – сиял, как заново выскобленное стеклышком, отлакированное и обтянутое ручной работы шелком полукресло работы мастера Гамбса (1865 г.).

Машина развернулась по кругу вокруг фонтана на Лубянской площади, и мысли князя приобрели новый поворот. Наверное, ни в одном городе мира не было такого количества церквей и соборов: и пресловутых «сорока сороков», которыми Москва славилась еще в XVIII и XIX веках, и добавившихся в XX веке, если можно так сказать, во время «Православного Ренессанса», начавшегося как реакция на вспышку кровавого дурмана, внезапно накрывшего Россию в недолгие, к счастью, годы «советской власти». Нация словно испугалась того, что с ней случилось (ну, как жуткий запой с дикими бесчинствами, в который впал по непонятной причине до того благопристойный и в общем-то добрый человек), и истово принялась замаливать свои и чужие грехи.

Уникальной особенностью города стала нигде более не виданная архитектурная доминанта. На любом перекрестке, куда ни повернись, взгляд упирался в замыкающую перспективу каждой более-менее значительной улицы, проспекта, бульвара вертикаль. Будь то звонница скромной, но удивительно праздничной церквушки где-нибудь в Зарядье, построенная попечением купца второй гильдии такого-то по случаю благополучного избавления от долговой ямы, или пятидесятисаженная колокольня Храма Всех Новомучеников Российских, вознесшаяся на площади Брестского вокзала, симметрично поддержанная аналогичными «высотками» на Пресне, Сухаревке, Смоленской площади.

Чем-то эта градостроительная изощренность напоминала идею японских Садов камней. Только там один из камней всегда не виден, а здесь – строго наоборот. Всегда увидишь больше, чем ожидаешь.

Еще одной и главной, по сути, особенностью Москвы, привлекающей сюда ежегодно миллионы туристов из самой России и стран Союза (по преимуществу, хотя приезжали богатые люди и из-за Периметра), был также широчайший диапазон развлечений, от высокоинтеллектуальных до самых примитивных. Кому – музеи, библиотеки, картинные галереи, тайны кремлевских подземелий, самые интересные в Европе, а то и в мире по составу своих «постояльцев» мемориальные кладбища. К услугам иных – игорные дома всех видов, свободные от ограничений, принятых в более «цивилизованных», а точнее – ханжеских странах. Отважные, пресыщенные африканскими сафари люди могут встряхнуть эндокринную систему экстремальной охотой: с борзыми на волков, с рогатиной на берложного медведя или с луком – на степного полуторатонного тура. И многое, многое другое.

При этом для всех – тысячи ресторанов, трактиров, кабаков и харчевен, угощавших блюдами и напитками всех стран и народов.

В итоге бюджет «Великого княжества московского», как полущутливо, полузавистливо называли прочие граждане России подведомственную Олегу территорию, а в особенности оборот наличных денег моментами был сравним с российским государственным бюджетом. Поскольку деловые люди, из чистой благодарности и альтруизма, кроме положенных законами налогов отчисляли в великокняжескую казну четкую «десятину» своих доходов. И более могли не заботиться ни о чем. Административный произвол тем самым был сведен к нулю, а с неорганизованной преступностью законопослушные граждане могли расправляться по собственному усмотрению. Кто победнее – носили при себе пистолеты и револьверы, побогаче – нанимали охранников или держали собственные вооруженные дружины. Как в Великом Новгороде Средних веков.

Разумеется, подобное положение не могло не вести к перманентным конфликтам с центральным правительством. Но старое правило действовало четко: «С Москвы выдачи нет!» В том смысле, что экстрадиция по обвинениям в хозяйственных делах не практиковалась. По уголовным – с нашим удовольствием.

Само собой, петроградская власть относилась к Москве примерно так, как московская к Новгороду шестьюстами годами раньше.

История, она же ведь развивается по спирали, как говорил один немецко-еврейский философ позапрошлого века, тем более, по его словам, вроде бы сначала в виде трагедии, а второй раз – фарса.

«Дурацкая, кстати, формула, – подумал князь. – Скорее наоборот, поскольку даже якобы дословное повторение прошлых событий через век-другой, за счет нового качества военной техники и вовлеченных в ситуацию людских масс, оказывается куда более кровопролитным и трагическим. То же «восстание декабристов» стоило обеим сторонам пары десятков погибших и казненных, а вот за «ноябрьский путч» большевиков Россия заплатила полутора миллионами только убитых, а умерших от болезней и сопутствующих причин вообще никто не считал. Так где трагедия, а где фарс?»

Вот теперь и приходится признаться, что главной, а то и единственной мечтой князя как раз и было, получив всю полноту государственной власти, аккуратно, но решительно привести всю Россию к нынешнему московскому состоянию.

Он, имея великолепное европейское образование, будучи убежденным англоманом во всем, что касалось политического устройства и образа жизни, почетный доктор Кембриджа и лауреат Золотых медалей Британского географического общества, для своей страны тамошний образец жизнеустройства категорически отрицал.

Совсем не потому, что принижал соотечественников по отношению к изобретателям «Хабеас корпус акта», «Хартии вольностей», Парламента и всего такого прочего. Отнюдь. Просто время было упущено.

Если бы представилась ему возможность поруководить Новгородской республикой того же десятого или даже двенадцатого века, да, желательно, с нынешним пониманием смысла истории, тогда, конечно. Где бы была та Англия и тот Ганзейский союз.

А сегодня, господа, на дворе двадцать первый век, пусть и в самом начале. И страна за стенами Кремля такая, какая есть. И народ соответственный. С индивидуальным историческим опытом. И в условиях международной обстановки, такой, что, поразмыслив, и Ивану Грозному позавидуешь.

Следовательно, максимум того, что можно этому народу предложить в качестве «модус вивенди»³⁰, – некоторый аналог идеального гвардейского полка конца XIX века. Кавалергардского там или Конногвардейского (читайте воспоминания графа Игнатьева, «50 лет в строю»). Командир полка умен, добр и справедлив. Все 24 часа суток посвящает службе и заботам о благоденствии своих подчиненных. А также поддержанию должной боеготовности и образцового внешнего вида. Слуга царю, отец солдатам. И офицерам тоже.

Если надо идти в бой – так пошлет коня шенкелями впереди всех, вздымая палаш и не кланяясь пулям. Прочие же члены полковой семьи должны быть дружны, связаны корпоративной дружбой и круговой порукой, четко следовать правилу: «Наше дело – воевать и помирать, когда приказано. А за что и почему – господин полковник скажет».

Если жизнь мирная – рачительно ведет полковое подсобное хозяйство, никого не обходит крестиком или чином. Когда корнет или поручик подает рапорт с просьбой о разреше-

³⁰ Модус вивенди – образ жизни, способ существования (лат.).

нии жениться, тщательно изучает досье невесты, знакомится с ее родителями (если не знал их раньше), перед тем как ответить «да» или «нет».

Крестный отец почти каждого родившегося в полку младенца. Не брезгает на Пасху расцеловаться с последним из новобранцев.

Если сочтет нужным – не побоится перед царем заступиться за своего подчиненного. Но и службу спросит до доньшка, а придется – сам осудит и сам отправит на каторгу.

И ведь что самое удивительное с точки зрения европейских демократий – именно такого «отца-командира» любят и за него на смерть пойдут, а не за патлатого интеллигента «со взором горящим», который возбужденно призывает к «свободе, равенству, братству» вкупе со «всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием».

Если обратиться к мирной жизни – таков же образ идеального помещика, знаменитого Костанжогло, которого вознамерился воплотить Н.В. Гоголь во второй книге «Мертвых душ». Да вот беда, воображения и знания реальной жизни не хватило. А чего здесь сложного? Рачительного крестьянина – приласкай. На легкий оброк отпусти, где тот сможет, при наличии разворотливости и таланта, миллионером стать. Сколько их было! Елисеевы знаменитые, Морозовы. Живи, богатеи, открывай магазины и фабрики, кто же мешает? Хозяину только в радость.

А ежели слаб умом и духом – оставайся в деревне. Работай, земельку паши. Не уродит земелька – община поможет или барин рупь с полтиной на прокорм детишек от щедрот подаст. Запьянствуешь – не взыщи, батога – тоже воспитательное средство.

Само собой разумеется, ничего подобного в своей державе Олег Константинович в прямой постановке вопроса возрождать не собирался, все ж таки далеко политическая мысль шагнула после тысяча восемьсот шестьдесят первого года³¹. Однако постулат о том, что люди изначально не равны по огромному числу параметров, и равны быть не могут, считал верным абсолютно. И что всеобщее избирательное право нонсенс – тоже был уверен. Нет, на самом деле, господа, никому же в голову не приходит, что членов университетского ученого совета и академиков должны выбирать равноправно пятнадцать профессоров и двести истопников и дворников. Хотя и служат те и другие в одном заведении не один десяток лет, и каждый по-своему талантлив. Вот именно – по-своему.

Однако ректора истопникам выбирать не дозволяется, а главу государства – пожалуйста! Нонсенс!

Отчего так и восхитил его проект Ляхова – Бубнова насчет гарантированного способа отбора государственной элиты. Уж очень здорово это ложилось на его исконные идеи и замыслы.

Последние несколько кварталов до Кремлевских ворот князю даже слегка пришлось пожалеть о своей демократической привычке. И его автомобиль, и его самого мгновенно узнавали многочисленные прохожие. Офицеры отдавали честь, рядовые и юнкера становились «во фронт», штатская публика тоже всеми доступными способами пыталась изобразить уважение и почтение к высочайшей особе.

Несомненно, это было приятно, поскольку никаким образом заранее не организованные проявления народных чувств следует считать искренними.

Благополучно миновав Никольские ворота, Олег Константинович остановил «Руссо-Балт» у Красного крыльца, бросил кожаные перчатки и фуражку на сиденье, быстрым шагом поднялся по лестнице мимо двух постов дворцовых гренадер в свой кабинет.

³¹ 1861 г. – если кто не помнит, год отмены крепостного права в России.

Думалось, что просто так, на минуточку, чтобы проверить почту и записать в дневник некоторые из пришедших в голову мыслей. Однако адъютант, не имевший права потревожить князя на отдыхе, тут же подал ему массивный бювар, в котором содержалась телеграмма на бланке премьер-министра. Со всеми подобающими протоколу формулировками господин Каверзнев приглашал Местоблюстителя принять участие в экстренном заседании Государственного Совета, имеющем быть завтра в девятнадцать часов в Таврическом дворце. Повестка дня будет сообщена непосредственно на заседании.

Олег Константинович едва только успел рассеянно кивнуть дежурному капитану, соображая, что же там у них в Питере вдруг случилось, как зазвонил телефонный аппарат на отдельном столике. Тот самый, прямой государственной связи.

– Переключите, – указал князь движением подбородка и прошел к себе.

Премьер-министр говорил крайне вежливо и любезно, совершенно как старый приятель, озабоченный возникшими независимо от воли высоких договаривающихся сторон проблемами.

Князь охотно такую форму общения поддержал. Оно и в принципе полезно – дружить со всеми, кто изъявляет к этому желание, но даже если чувствуется в поведении партнера некая неискренность, так лучше дать ему свободу действий. А самому до последней крайности оставаться в белом фраке.

– Владимир Дмитриевич, – своим мягким, обволакивающим баритоном отвечал на дежурные любезности князь, – разумеется, я прибуду, а ваше предложение найти время и до начала заседания поговорить наедине мне льстит чрезвычайно.

Мне, простите, моментами кажется, что и ваши и мои подлинные чувства и намерения кем-то злокозненно искажаются. Особенно если почитать выходящие в Петрограде газеты. Это же я прямо не знаю, как и назвать.

Свобода слова, разумеется, однако если вам регулярно докладывают экспозе только из этого ряда – это даже непорядочно. Я и сам бы, наверное, очень быстро вышел из себя. А вам ведь куда труднее, исходя из вашего положения публичного политика.

Так что непременно нам нужно встретиться и поговорить «антр ну»³². Очень много сомнений можно снять.

– Так ведь и я о том же, уважаемый Олег Константинович! («А титула, подлец, не назвал», – подумал князь.) Я уверен, что нас намеренно ссорят. Такова жизнь, увы. Так я вас жду и встречу прямо на вокзале. Со всеми положенными протоколом почестями. Вы когда выезжаете?

– Вот прямо вечером и выеду. Я на подъем легкий. Литерным поездом. Когда пройдем Бологое, вам, несомненно, сообщат с дистанции о точном времени прибытия в Питер, на Николаевский вокзал.

Здесь следует несколько приподнять завесу тайны над интригой, почти уже целый год разыгрываемой двумя могущественнейшими персонами государства Российского.

Тот разговор, что только что прозвучал, пусть и по защищенной специальной связи, вполне мог быть подслушан, ибо самая совершенная техника обслуживается людьми, а почти любой человек слаб и в силу тех или иных причин вполне способен на нарушение служебного долга ради неких личных интересов, в чем бы они ни выражались.

Поэтому слова, которыми обменялись князь с премьером, не могли сообщить противнику абсолютно ничего сверх того, что было сказано.

Подлинный же смысл «сговора», если можно так выразиться, был совсем иным.

³² Между нами, с глазу на глаз (фр.).

Где-то в конце прошлого года Олег Константинович, весьма тщательно относящийся к исполнению своих должностных обязанностей, окончательно понял, что политическая ситуация в России все-таки зашла в тупик, из которого почти что и нет рационального выхода.

Две власти, из которых одна обладала всеми признаками государственной легитимности, а вторая таковой не обладала, но зато пользовалась в обществе огромным моральным авторитетом (причем этот авторитет удивительным образом возрастал по мере удаленности от места ее фактического пребывания), в буквальном смысле «уперлись друг в друга лбами». Подобно известным баранам из сказки.

По окраинам империи ходили легенды о прекрасной, богатой, справедливой жизни на территории «Московского княжества», тем более что любой россиянин, имеющий возможность приехать в Москву, убеждался, что все именно так там и обстоит. И мечтал либо в этот земной рай переселиться, либо о том, чтобы тамошние порядки распространились на все остальное государство.

Само собой, такие настроения никак не могли прибавить симпатий к Великому князю и его «уделу» у огромного числа лиц, причастных к центральной власти, а особенно – у «широких кругов демократической общественности».

Что самое интересное – при предшественниках Олега Константиновича ничего подобного не наблюдалось. И факт существования столь архаической должности, как «местоблюститель императорского престола», ни у кого отторжения не вызывал, и пресса посвящала данному вопросу едва ли больше одной-двух статей в год.

Одним словом, не вдаваясь в подробности и тонкости политической жизни предшествующего описываемому периода, остается сказать только одно: со свойственной ему государственной мудростью князь понял, что крайне неприятные события не за горами.

Или правительство совместно с Государственной думой предпримут попытку устранить его с политической арены тем или иным способом, или его собственное ближайшее окружение учинит нечто вроде военного переворота.

Бесконечные намеки со стороны членов личного его императорского высочества кабинета, создание Клуба ревнителей военной истории «Пересвет», непрерывное, все возрастающее давление со стороны Игоря Чекменева приводили князя к мысли, что рано или поздно эти ребята могут вообразить, что обойдутся и без него.

Следовало немедленно принимать контрмеры. Разумеется, чтобы никоим образом не спровоцировать при этом своих верных слуг на опрометчивые, несвоевременные действия.

Им он предоставил полный карт-бланш на разработку идей, планирование конкретных операций, даже формирование разного уровня «теневых кабинетов». Лишь бы не торопились. Здесь нужно вмешиваться очень аккуратно, когда сдерживать, когда поощрять, подкидывать интересные идеи, требуя их тщательной проработки.

В общем, осуществлять классическую стратегию «непрямых действий», маскируя истинные замыслы даже от ближайших соратников. Даже в том случае, если сам еще не до конца понимаешь, какой же результат желаешь получить на «выходе процесса».

А в один прекрасный, как принято говорить, день все вдруг стало ясно Олегу Константиновичу.

И он послал в Петроград, непосредственно к господину Каверзневу, доверенного офицера. Никак не связанного с заговором, не участвующего ни в каких «клубах» поручика. Просто курьера.

Премьер-министр вскрыл пакет, как и требовала приложенная к нему записка, наедине с офицером.

«Милостивый государь Владимир Дмитриевич, – было отпечатано изящным шрифтом на листе хорошей бумаги, но без всяких грифов и водяных знаков. – В полной мере учитывая Ваше удивление при получении данного письма, в первых же строках желаю предупредить

от неправильного понимания как причин моего личного к Вам обращения, а также и от естественного желания отнестись к нему обычным в демократическом государстве образом. То есть поставить в известность о факте приближенных к Вам лиц, и в особенности свободную прессу.

Делать этого не следует ни в коем случае.

Прежде всего, я хочу вступить с Вами, Владимир Дмитриевич, в личную, строго конфиденциальную переписку по вопросам, касающимся исключительно нас двоих. Как это и было принято в не столь далекие периоды истории между особами, ощущающими персональную ответственность за судьбы вверенного им дела.

Если мое предложение Вас по какой-либо причине не устраивает, Вам достаточно будет возвратить это письмо передавшему его офицеру. С мотивацией или без оной.

В противном случае оставьте его у себя. Немедленного ответа не жду, но если таковой последует, буду очень рад.

Еще раз прошу извинить за обычную в моем положении предосторожность. Письмо подписано моей собственной рукой, однако до принятия Вами окончательного решения подпись эта сохранена быть не может, как Вы, несомненно, понимаете».

И в самом деле, Каверзнев видел прекрасно ему знакомую подпись князя, выведенную густыми черными чернилами, со всеми росчерками и завитушками, которая через несколько секунд начала бледнеть и полностью исчезла, не оставив ни малейших, пригодных даже и для самой тщательной экспертизы следов.

А без нее, разумеется, эта бумажка не имела никакой цены. Ни исторической, ни сиюминутной.

Посланник спокойно ждал, не проявляя никаких эмоций. Скорее всего, он просто был не в курсе происходящего. Однако все-таки был.

Потому что, когда премьер-министр сложил письмо и спрятал во внутренний карман визитки, после чего несколько растерянно спросил, каким образом он может ответить автору, поручик слегка прищелкнул каблуками штатских ботинок. Он вообще был одет в гражданский, неприметный костюм и явился к премьеру под личиной курьера министерства финансов, доставившего первый вариант проекта годового бюджета. И облик имел банальнейший из банальных, ровно так выглядели девять из десяти чиновников подходящего ранга. Разве что глаза время от времени посверкивали несколько иначе, чем у человека, проводящего дни в лабиринтах канцелярий.

– Если вашему превосходительству угодно, то вот...

Офицер протянул дорогую автоматическую ручку Подольского завода с золотым пером. А затем узкий и плотный даже на вид конверт.

– Написанное этим пером и заклеенное в конверт письмо сохранится необходимое время. После прочтения текст исчезнет в течение двадцати минут. Его императорское высочество гарантирует это своим честным словом... Ручку оставьте себе на память или – до следующего письма.

Так и началась их личная переписка, в ходе которой они, постепенно доверяя друг другу все больше, обменивались самыми сокровенными мыслями по поводу происходящих событий.

Подобные случаи конфиденций уже имели прецеденты в истории, хотя и не слишком частые. Но, кажется, все они относились к взаимоотношениям предводителей независимых, суверенных держав, а чтобы таким образом общались руководители одного и того же государства, сразу и не вспомнишь.

Глава 6

Доктор Максим Бубнов, военврач третьего ранга, то есть, по знакам различия, армейский капитан, с некоторого времени получивший погоны подполковника гвардии из рук генерала Чекушева, привычным образом грустил, глядя в окно.

Жил он еще несколько месяцев назад размеренно до безобразия, серьезных проблем только и было, как довести до ума и запатентовать свой прибор для определения генетических возможностей организма, позже названный «верископом», а также сообразить, где и с кем провести очередной вечер. Скучная жизнь, кто бы спорил, так хоть понятная.

А с какого-то момента она вдруг понеслась вскачь. Да не так, если сам прищипоришь коня, а как несет карету тройка, с испугу потерявшая разум. Остановить невозможно ни вожжами, ни кнутом. Или прыгай, рискуя сломать шею, или жди, чем все это кончится.

Небогатый выбор.

И связывал он все нынешние жизненные проблемы с появлением в его врачебном кабинете полковника Вадима Половцева (позднее оказавшегося Ляховым), в котором с первой буквально минуты Максим распознал незаурядного человека. Просто по выражению лица, глаз, манере говорить и держаться. Потом эту незаурядность подтвердил и «верископ».

Подружились они тоже совершенно неожиданно, поскольку с первых минут знакомства Максим испытал к новичку настороженность, если не неприязнь. Чувства были несправедливы, зато оправданны.

Вошел в кабинет этакий бравый красавчик. (Максим с детства не любил мужчин, внешнестью похожих на популярных киноактеров, чьи открытки продаются на каждом углу. Наверное, потому, что нравившиеся ему девушки покупали эти открытки на сэкономленные от школьных завтраков деньги, вместо того чтобы смотреть на ребят, которые рядом. И ничуть не хуже.)

Вошел, поулыбался, будто не врач напротив него сидит, которого любому нормальному пациенту, прибывшему на медосмотр, следует опасаться, а специалист по отбору кадров рекламного агентства. С той же усмешечкой бросил несколько слов, долженствовавших обозначить его уверенность в себе, сел в кресло, ничуть не подозревая, что сейчас подвергнется глубокому зондированию характера по разработанной Бубновым методике. И с первых же криков на экранах осциллографа и энцефалоскопа заинтересовал. Поначалу – чисто профессионально. Странную картинку показывал «верископ». Разговорились. Половцев – из обычной общительности, Максим – пытаюсь понять, что же пациент собой представляет в общем плане личности. Выходило, слишком молодой для своего чина полковник заслуживает дополнительного тестирования.

Прошел он и его с еще более странным, плохо поддающимся формализации результатом, но зато доктор почувствовал, что с этим парнем хочется дружить. И без всяких дополнительных условий. Так и получилось.

Вадим совершенно естественным образом стал его соавтором в работе над конструкцией прибора, а главное – над стратегией и тактикой его применения. Здесь, Максим признавал, без Половцева ему до многого сроду бы не додуматься, поскольку и существовали они, и мыслили в разных, получается, плоскостях этой жизни.

А дальше мелкие и более значительные события, ничего особенного по отдельности собой не представляющие, все цеплялись и цеплялись друг за друга, пока в один то ли прекрасный, то ли нет момент Бубнов не сообразил, что оказался он так далеко от привычной и на годы вперед расчисленной директории своей жизни, что дух захватило.

Оно, на первый взгляд, и хорошо, великолепно даже. В тридцать лет оказаться вовлеченным в события, от которых непосредственно зависят судьбы империи (так он по примеру Ляхова и его друзей привык называть Россию), близко познакомиться со значительными и

очень значительными людьми, заслужить чин, до которого в других условиях еще тянуться и тянуться, решить почти все свои финансовые проблемы.

Пожалуй, впервые в жизни он перестал прикидывать, хватит ли жалованья до очередной полочки, и это тоже было приятно, даже не так, приятно – не то слово. Он начал чувствовать себя уверенно, вот!

Однако и минусы тоже накапливались с пугающей быстротой.

Максим перестал быть хозяином самому себе. Раньше как? Отработал положенное в лазарете – и все, свободен. Хочешь, сиди дома, рисуй, паяй и перепайвай схему «верископа», читай книги, выпивай с приятелями или в одиночку, если угодно. Никому всерьез ты не интересен (что плохо), но никому зато ничего и не должен (что, в свою очередь, хорошо). Теперь же совсем не то.

Максим с сомнением посмотрел на телефонный аппарат. Хоть и выдернул он его шнур из розетки, чтобы до утра не тревожили, а все равно. Сильно будет нужен, и по выключенному сумеют дозвониться. Есть у службы безопасности соответствующие устройства, так что выдернутый шнур – это способ избежать нежелательных звонков только от простых смертных, с городских аппаратов.

Автоматически мелькнувшие в голове слова насчет «простых смертных», самые обычные в обычном контексте, тут же повернули мысли доктора в другую колею. Как переведенная железнодорожная стрелка.

Вот-вот, простые смертные. А ему тоже ведь благодаря знакомству с Вадимом и всей его компанией пришлось узнать, что бывают смертные и не простые. Или, еще лучше сказать, «простые не-смертные»!

Максим вдруг поежился от пробежавшего между лопатками неприятного, щекочущего холода, словно бы паучок какой спустился вдруг за воротник. Мнительность в нем появилась последнее время. По ночам, правда, покойники не снятся, есть проверенный способ психологической защиты, а вот наяву – бывает.

Когда окажешься один в темном переулке или в пустой квартире, как вот сейчас.

Он вышел в прихожую, внимательно посмотрел на головку французского замка. Замок был хороший, с тремя длинными ригелями из легированной стали, заходящими в гнезда тоже стальной дверной рамы. Плюс еще надежная задвижка, абсолютно недоступная воздействию извне.

Дверь и замок ставил его брат, которому принадлежала квартира и который до того, как уехал с семьей в Австрию, имел серьезные основания озаботиться собственной безопасностью. У Максима таких оснований вроде бы не было, однако убедиться, что с этой стороны он защищен надежно, было приятно.

С остальных, впрочем, тоже.

Дом на Второй Мещанской, где он сейчас обитал, был построен в девяностых годах позапрошлого века, и его четвертый этаж равнялся нынешнему шестому как минимум. До крыши было еще три таких же, и поблизости от окон квартиры не имелось ни пожарной лестницы, ни даже водосточной трубы. То есть неприступная крепость в чистом виде. Чувствовать себя жителем неприступной крепости, конечно, приятно. Неприятно, что возникла вдруг такая потребность.

Что, первые признаки паранойи? Как у капитана второго ранга Кедрова? Тот вообще погоню снял и в монастырь подался. Грехи замаливать, или просто толстые стены обители показались надежнее казарменных?

Максим всегда считал себя здравомыслящим человеком. Невропатолог, опять же. Реальные покойники его почти не испугали, а вот остаточные эффекты, получается, себя проявляют? Двери заперты им лично, в трезвом еще сознании, а вот все время убедиться тянет, так ли это? Вообще-то, в медицине это называется – «невроз навязчивых состояний».

Максим хмыкнул, выругался в голос, просто чтобы рассеять неприятную тишину, вернулся в кухню. Остатки остывшей яичницы на сковороде, три малосольных огурца, купленных по дороге со службы на Рижском рынке, рижский же хлеб с тмином, на треть опустошенная бутылка водки.

Кто-то, кажется, говорил, что пить в одиночку – плохой симптом. А он и не пьет. Он просто ужинает с вином. А это – большая разница.

Наливая очередную стопку, Максим подумал, хватит ли ему характера остановиться, скажем, ровно на половине? Или так, между прочим, и вытянет всю бутылку до доньшка?

Пока что перебирать норму он не собирался, а там кто его знает. Если только прямо сейчас не выбросить «Толстобрюшку»³³ в мусоропровод.

Ему, специалисту, после успокаивающих и одновременно растормаживающих фантазию ста пятидесяти граммов очень было интересно понять: неужели же именно встреча с «неживыми» вторую неделю держит его в странном, маниакально-депрессивном состоянии, когда чрезмерная интеллектуально-деловая активность вдруг сменяется подавленностью и черной меланхолией.

Сейчас он успел ухватить фазу депрессии в самом начале и счел, что клин надо непременно выбить им же.

Вот выпил, скоро в организм пойдет адреналин, под действием алкоголя в мозгу активизируется выработка эндорфинов и прочих нейромедиаторов, и из темных глубин подсознания начнет карабкаться вверх, на свет разума, словно подводник по скобтрапу из центрального поста на площадку рубки, тот самый, другой Максим, родной и любимый, которым он всегда хотел бы быть наяву.

Тогда они и поговорят по душам, внешний Максим Бубнов с внутренним, куда более эрудированным, решительным и остроумным. Последнее время «внутреннее Я» ему заменял Половцев, но сейчас его не было. И будет ли он когда-нибудь еще? Потому он сейчас и пьет, чего от себя-то скрывать? С Вадимом они, случалось, красиво выпивали, а сейчас он пьет от тоски и безнадежности.

Пропал Вадим, «заблудился в дебрях времен», и найти его все никак не удастся. Несмотря на все попытки, предпринятые на грани, а кое-где и за гранью возможного.

Князь приказал, и они с Чекменевым на двух «Святогорах» – самолетах, оборудованных для дальней радиоразведки, – в сопровождении роты десанта и специально настроенного Маштаковым на поиск группы ментаскопа вновь отправились в такой похожий на настоящий, но самой своей аурой бесконечно чуждый мир.

Впрочем, насчет ауры Максим, наверное, придумал.

Просто слишком сильно на него повлияли события, за несколько часов перевернувшие все представления о действительном и возможном. Стоившие не только утраты мировоззрения, но и жизни шести бойцов. Сами по себе потери не так уж и велики (но для элитных штурмгвардейцев все же чрезмерны), страшен способ, которым люди погибли.

Бубнов еще нашел в себе силы после бессонных и слишком уж нервных суток поучаствовать в работе судмедэкспертов, исследовавших тела вступивших в непосредственный контакт с покойниками солдат.

Первое впечатление подтвердилось. Люди были не убиты, они были буквально «выпиты». В сосудах крови не осталось. Причем и кровь – не самое главное, все их ткани были, можно сказать, «лиофилизированы».³⁴

³³ Сорт белого хлебного вина, настоящего на кореньях и травах, из модельного ряда заводов Шустова.

³⁴ Лиофилизация – способ обезвоживания и консервации живых тканей с помощью сверхнизких температур (жидкий азот, гелий и т. п.).

Никаких медицинских или хотя бы паранаучных объяснений такому явлению придумать было невозможно.

То есть просто не бывает способов в полевых условиях довести живую ткань до состояния тщательно выделанной мумии.

Ни один из участников экспертизы, от убеленного, как говорится, профессора, отпрепарировавшего десятки тысяч трупов, и свежих, и эксгумированных, до молодого ассистента, не мог даже приблизительно придумать, каким образом все это было исполнено.

Только получив все положенные подписи на актах исследования (чтобы чистота эксперимента была полная), Максим пригласил коллег в соседнюю аудиторию.

Там, продолжая изысканно материться по-латыни, неизвестно с чем споря и в чем друг друга убеждая, они известным способом использовали полагающиеся на каждое вскрытие две-сти грамм «спиритус вини ректификати» (а таким образом его все судмедэксперты и патанатомы используют последние полтора-два столетия). Поскольку вскрытий было шесть, продукта должно было хватить на всю научную компанию почти в избытке.

Бубнов, предварительно поручившись своим честным словом, рассказал, как оно все было на самом деле. Так, мол, и так, господа коллеги, по лично мной проведенным наблюдениям данные бойцы пали жертвой вампиров. Причем вампиров, во-первых, реально существующих, во-вторых, куда более зловредных и опасных, чем они описаны в легендах.

Естественно, разразилась сцена, крайне напоминающая ту, что описана у Конан Дойла в «Затерянном мире», когда профессор Челленджер огласил итоги своего путешествия на плато Мепл-Уайта.

Ну, может, не столько было криков, свиста и хохота, так только потому, что люди здесь собрались русские, а не старорежимные англичане. Да и спирт... Почему, вы думаете, доктора предпочитают употреблять его не по тому назначению, что имели в виду авторы санитарных норм?

Пришлось предъявить отпечатки с пленки фотопулеметов, которые не забыл включить один из самых хладнокровных вертолетчиков.

Вот это впечатление произвело. И тут же началась научно-производственная дискуссия, каким именно образом можно отловить хоть один экземпляр вполне активного и дееспособного покойника, чтобы допросить и провести комплекс совершенно необходимых научных экспериментов.

Как раз этот вопрос тогда перед Бубновым не стоял, и он передал тему по принадлежности.

Не остыв от горячки событий, он ощущал себя преимущественно боевым офицером. И лететь в «потусторонний мир» в компании Чекменева собирался совсем не для того, чтобы заниматься некромантией. Кстати, «потусторонний» – ему понравилось куда больше, чем «параллельный», «боковой», «альтернативный». Гораздо точнее отражает реальность...

Но – сейчас мы о другом, сказал сам себе Максим, потушив в кухне свет и снова подойдя к окну. Вид отсюда был весьма близок к тому, что мог бы открываться с донжона средневекового замка.

Далеко-далеко внизу, на дне каньона, проползали автомобили. Редкие прохожие сквозь завесу тумана, в желтоватом свете уличных фонарей выглядели мелко, казались странно деформированными и напоминали пластилиновых персонажей мультфильмов. Никто из них не сумеет вскарабкаться сюда или метко выстрелить снизу вверх.

Настроение ожидаемым образом постепенно стало улучшаться. Вещи, только что вызывавшие мутную тоску, начали приобретать иной оттенок. О чем горюем, господа?

Вон кадровый офицер, десантник и «володав», как они там выражаются, капитан второго ранга Кедров необъяснимым образом сломался, повстречавшись, и даже не слишком близко, с обитателями того мира. А что уж такого особенного он увидел? Если отвлечься

от медицинских подробностей, случилась простая стычка десантного взвода с превосходящим противником. Какая разница, в чем превосходящим? В танках, в гранатометах, в боевом азарте, в конце концов! Максим слышал, в том числе и от Ляхова, каково приходится на фронте, когда вдруг...

Ну, как тогда, в ущелье: их двое, моджахедов – пятьсот! А уж живые ли они изначально или мертвые или живые станут мертвыми через минуту или полчаса – существенно ли это?

Ему же, книжному червю, интеллигенту в пятом поколении, который и погоны на кителе менял только тогда, когда непосредственный начальник намекал: пора, мол, уж, доктор, а то смотреть тошно, как они у вас измялись и засалились, все происшедшее понравилось до чрезвычайности.

Все вместе. И то, как боевые поручики внимали его советам и командам, и как приятно чувствовать в руках дергающийся от выстрелов автомат, и, самое главное, как благотворно действует на закисший в тиши кабинетов и библиотек организм толчками вбрасываемый в кровь адреналин. Раньше он этого не понимал. Сейчас – понял. Примерно, как поняли это герои Джека Лондона Хэмфри ван-Вейден³⁵ и Кристофер Белью.³⁶

Так, значит, что?

Чтобы ответить на этот вопрос, Максим налил себе еще одну рюмку, выпятил сквозь зубы, как густой ликер. Было у него такое свойство, тоже врожденное, несомненно, сколь бы много он ни выпил, даже если уже и на ногах стоял еле-еле, но определенным участком мозга умел наблюдать за собой со стороны, если и не контролировать, то здраво оценивать все свои слова и поступки. И побуждения тоже. Счастья ему это не прибавляло, скорее напротив, но зачастую уберегало от крупных неприятностей.

Вот и сейчас.

Отчего так и приглянулся ему Вадим Ляхов, что увидел в нем Максим именно то, чего тогда не хватало ему самому. И пусть, конечно, далеко ему еще до товарища, с его чинами, наградами и приключениями, но первые шаги сделаны, и при встрече стыдно уже не будет.

Именно поэтому доктор даже с некоторым восторгом занял место во втором «Святогоре», взгромоздившись на подвесное сиденье башенного стрелка, чтобы одновременно видеть и землю и небо через прозрачный блистер, и огромный объем самолетного брюха, где просторно разместились полурота порученных его попечению стрелков вместе с боевой техникой.

Его настроение ощутимо контрастировало с эмоциями вверенного подразделения. Солдаты успели не только выслушать инструктаж и боевой приказ, но и тесно пообщаться с вышедшими из боя товарищами.

Тут у Максима возникли сомнения, стоит ли такое позволять? Оно, с одной стороны, полезно, чтобы люди знали, куда и зачем идут, а с другой – какая-то предварительная деморализация получается. Тем более что Чекменев счел необходимым включить в состав отряда группу добровольцев из тех, кто уже соприкоснулся с, деликатно выражаясь, артефактами.

Сам-то он охотно взял с собой в качестве заместителя подпоручика Сашку Колосова, которому совсем недавно предсказал, что за привычку болтать лишнее выше штабс-капитана ему чин не светит. А вот оказался парень и хватким, и психически устойчивым, чего о других не скажешь. И главное – что совсем уж неожиданно – умным и тактичным. Он новичков не пугал, а, напротив, успокаивал. Не то что другие, побывавшие за «последним пределом». Те с каким-то болезненным удовольствием фиксировали внимание «салаг» на таких подробностях, что и в натуре не было.

А черт его знает, может, и это на пользу.

³⁵ См. «Морской волк».

³⁶ См. «Смок Белью», «Смок и Малыш» того же автора.

Максим тогда не стал вдаваться. Летят – и ладно. Оружие на боевом взводе – хорошо. А уж что произойдет на земле, если опять придется встретиться с неведомым – тогда и думать будем. Если до боя себя терзать мыслями: а чем он закончится лично для тебя – так лучше заранее стреляться или в бега подаваться.

Впрочем, о сражениях с ордами покойников речь пока не шла. Вряд ли у них здесь имелась хоть какая-то организация, хотя вообразить подобное было бы интересно.

Загробный мир, возглавляемый неким аналогом бога-царя Плутона и его жены Прозерпины. Это было бы даже логично, не зря же абсолютно у каждого народа, независимо от степени его цивилизованности, существовали подобные легенды или даже стройные, глубоко проработанные идеологические системы. Некоторые – очень даже симпатичные, как, например, у древних славян или скандинавов. Или, напротив, беспросветно мрачные, как у греков с их Аидом, и, наконец, бесконечно чуждые разуму и чувствам европейцев воззрения тибетских лам и южноамериканских индейцев.

Но все равно были.

Не просто же на пустом месте родились такие представления? Отчего не допустить, что на протяжении тысячелетий какие-никакие контакты между соприкасающимися мирами имели место, люди проникали туда, покойники, в свою очередь, ухитрялись вернуться сюда неизвестным способом и с непонятными целями.

Задачей нынешнего рейда были поиски Ляхова и Тарханова со спутниками. По основной легенде. Чекменев, безусловно, преследовал и еще какие-то цели, да и странно было бы, если б нет. Человек государственный непременно должен был искать в каждом новом открытии государственный же интерес. А уж с таким открытием за последние полтысячи лет и сравнить нечего.

Так и что в результате?

Летали-летали широкими галсами, почти на полный радиус действия самолетов, то есть часов шесть в один конец, прошли даже и над Черным морем, пока не показались вдали рыжие анатолийские берега. Локаторы Маштакова с высоты полета доставали прямым лучом еще километров на двести дальше, но ничего, хоть отдаленно напоминающего по характеру сигналы, могущие исходить от человеческого мозга (примерно такие, как записывались при последних экспериментах), обнаружить не удалось.

Кое-что приборы, конечно, ловили, но все это напоминало отдаленные гроззовые разряды или просто фоновые помехи.

Обойдя по широкой дуге южное побережье моря, полюбовавшись в оптику на горловину Босфора, которая здесь и теперь была полностью открыта, и можно было хоть завтра приступить к воплощению вековой мечты российской геополитики – оккупации Царьграда. Только вот это как раз было Максиму совершенно неинтересно.

На обратном пути, в виду больших городов – Варны, Одессы, Екатеринослава, Харькова, Орла – снижались моментами до бреющего полета. Исключительно, чтобы осмотреть близлежащие кладбища, как понял Максим. А что еще смотреть здесь, в пустом и унылом мире?

Чекменев, разумеется, мыслил примитивно. Раз были покойники, так, значит, главное их место – кладбище. А вот и нет. Это Максим потом уже осмыслил, а до этого просто интуитивно ощущал. Какого, извиняюсь, им делать в местах собственного вечного упокоения? Раз уж они жаждали «энергии» и тянулись к попавшим в их поле «зрения» живым людям, то при их отсутствии чего ловить? Нечего. Да и в могилах им, то есть тем, с которыми пришлось встретиться, тоже делать нечего.

Поскольку Бубнов уже давно сообразил, что если «загробная жизнь» начинается именно с момента биологической (а для кого-то, возможно, и клинической) смерти, то и могилы здесь, соответственно, должны быть пустыми. Памятники стоят, как чисто архитектурное изделие, под ними же – никого.

А по «параллельной» земле бродят или даже и не бродят, а занимаются чем-то другим, то ли вправду покойники, то ли существа, которые следует называть как-то иначе. Артефакты, фантомы или вообще «неопознанные псевдобиологические объекты».

Короче, тайна сия велика есть, и за пару суток ее не разрешить. Тут впору создавать специальный научно-исследовательский институт. Или – «не научно».

Зато невыносимо горько было, что друзей так и не нашли. И следовало, трезво размышляя, признать, что и впредь не удастся. Если даже они и живы, то так и останутся там, где оказались, а если вдруг и вернуться, то с тем же успехом и через год, и через десять, а то и сто лет. В общем, на войне как на войне.

Полковник такой-то не вернулся с задания и признан без вести пропавшим с сохранением оклада жалованья вплоть до истечения определенного законом срока, когда безвестно отсутствующий начинает считаться безусловно погибшим. Тоже со всеми вытекающими...

Но для успокоения совести и чтобы не упустить самого последнего шанса, по всему маршруту, через каждые сто километров, сбрасывали на парашютах портативные светорадиомаяки, излучающие мощный, практически всеволновой радиосигнал, который возьмет любой приемник, от автомобильного до армейского, километров на двести. Так что все они работали с двойным перекрытием. А еще по ночам с получасовыми интервалами выдавали по три серии длинных и коротких вспышек, соответственно через две, четыре, шесть секунд.

Что-то на коде разведчиков это значило, но Максим не вникал. Главное, что в мертвом, допотопно темном мире этот сигнал должен быть заметным не меньше чем километров на двадцать, а если с отражением на облака, так и дальше. Батарей в маяках хватит как минимум на полгода. И еще в каждом были оставлены записки.

Пожалуй, это все, что можно сделать для друзей, если они еще существуют где-то поблизости. Так сбрасывают последний контейнер десанту, с которым потеряна связь. И переходят к текущим делам.

Проскользнув в разделяющий миры проем пространства-времени, «Святогоры» приземлились на аэродроме, где их не встретил никто, кроме обычной команды обслуживания.

– А ты что же, думал, их высочество будет целый день здесь сидеть, с нетерпением ожидая нашего возвращения? – желчно поинтересовался Чекменев, когда Максим осторожно выразил некоторое недоумение по этому поводу. – Запомни, господин подполковник, на будущее: то, что лично тебе кажется невероятно важным, другие воспринимают совершенно иначе. И тем более иначе, чем больше должностных ступенек вас разделяет.

Генерал пояснил свою мысль извилистым движением ладони снизу вверх.

Бубнов эту максиму³⁷ знал по личному опыту и без специального разъяснения, но на эмоциональном уровне все равно казалось, будто окружающие должны быть более чутки, особенно в вопросах жизни и смерти.

– Не горюй, парень, что уж теперь поделаешь, – некоторую чуткость Чекменев все же проявил, – искать ребят мы, конечно, не перестанем. Вот сегодня же напрямую Маштакова так, что мало не покажется. А пока поехали ко мне. Посидим, как водится. Досталось тебе крепко, особенно с непривычки. Да и у меня годы, видать, уже не те, чтобы по три дня не спать и в небесах по восемь часов трястись. Устал как собака...

– Кстати, Игорь Викторович, – спросил Максим, чтобы разрядить обстановку, – почему критерием усталости вы выбрали собаку? Лошадь, по-моему, куда больше устает...

Чекменев улыбнулся слегка.

– Да кто ж его знает. Говорят так. Наверное, собака просто гораздо нагляднее умеет демонстрировать усталость. Набегается, язык вывалит, дышит тяжело и смотрит жалобными глазами. А лошадь, да, конечно...

³⁷ Максима – логический или этический принцип, выраженный в краткой, иногда афористической форме.

Генерал, кстати, сейчас действительно больше напоминал измученную собаку. Само собой, досталось ему. И физически, и в еще большей степени морально. Ответственность, куда денешься. Кроме того – возраст! Разницу в пятнадцать лет доктор воспринимал пока что очень серьезно.

Поехали, к удивлению Максима, не в тот особнячок, который Чекменев занимал на базе, а в его городскую квартиру. Такое как-то не было принято в кругах старших офицеров Управления. Время проводили или в Собрании, или в заведениях, считающихся подходящими для дружеских застолий, а домой обычно не приглашали.

Хотя, конечно, дом у генерала был вполне условный, то есть ни жены, ни детей, ни домашних Максим там не увидел. Да и были ли они вообще у Игоря Викторовича?

А в качестве помещения, в котором можно провести время, – вполне прилично. В одном из арбатских переулков стоял очень не рядовой конструкции особнячок, наверняка выстроенный между 1890 и 1910 годами. Окруженный высокой железной оградой, с контрольно-пропускным пунктом у ворот. За ними, на территории, – длинная аллея к крыльцу, заросли туй и сосен по бокам, клумбы с уже отцветающими гладиолусами и флоксами. Тихо, спокойно, будто и не центр города рядом. Умеют люди устраиваться.

Чекменев опять легко понял настроение доктора.

– Что, нравится? А только так и можно жить. Когда за бортом сплошные треволнения, ощутить пусть и относительную, а все же надежность очень по делу. Хотя ни от чего, на самом деле, это не спасает. От себя же не убежишь, так?

– Да как вам сказать. Мне до последнего момента убежать и не требовалось. Это когда с вами начал серьезно взаимодействовать, подобные мысли появились.

– Ладно, уел, уел, молодой, – похлопал его по плечу Чекменев, доставая из кармана брюк длинный ключ от входной двери. Швейцара почему-то здесь не было. Этакого с бородой и нашивками за двадцать пять лет беспорочной службы на рукавах ливреи. Что Максиму показалось странным.

– Однако хоть и уел, а не прав ты. Ни одному человеку извне навязать невозможно ничего. Хотел бы ты жить жизнью тихого пейзажиста или даже доктора в серьезном заведении, вроде медсанчасти Академии, ею бы и жил. Ни я, никто другой тебя бы не тронул. Остальные-то твои коллеги как жили, так и живут, нет? Кто на госслужбе, кто частной практикой удовлетворяется.

Максим был вынужден согласиться, что да, именно так дела и обстоят.

– И Вадима никто за ворот не тянул, вполне мог тоже простым армейским доктором остаться...

Хоп! Бубнов дернулся внутренне, но сумел промолчать.

Вот оно как, оказывается? Вадим тоже армейский врач? И ни разу не проговорился? То есть моментами его познания в некоторых специальных вопросах казались слишком уж...

Но Максим все списывал на общую эрудицию. Теперь многое становилось на свое место. Нет, но все же...

А с другой стороны, наверное, так и нужно.

– Короче, так, доктор, – сказал Чекменев, действительно легко себя здесь чувствующий. Он бросил на вешалку в прихожей китель, потянул Максима за рукав в маленькую уютную комнату, вторая дверь слева по коридору.

– Короче, так. Поминать мы никого не будем. Выпьем, чтобы ребята вернулись живыми, здоровыми и поскорее. Я в это верю, понимаешь, верю, – сказал он с излишним, пожалуй, нажимом. Но и с такой степенью убежденности, что Максиму тоже захотелось забыть обо всех своих черных мыслях и тоже искренне поверить.

– На задании люди, а с заданий, знаешь, часто возвращаются, когда никто и не ждет. Я сам, думаешь, так генералом и родился? Я тоже на таких делах бывал... И, заметь, всегда возвращался.

Но дело даже не в этом. Ты давай, закусывай, закусывай, у нас с тобой разговор долгий предстоит, и я тебя до последнего момента желаю в полной кондиции видеть. Когда все обсудим, разрешу напиться до пороссячьего визга и тут же спать уложу...

Что же касается моего дома – плохим был бы Чекменев разведчиком, если бы не заметил взгляда, которым ты тут все обшарил, тщательно делая вид, будто ничего тут для тебя нет нового и интересного. Ну да, люблю я это дело, и не я один. Какую уж тысячу лет люди главным для себя считают достойное жилище. Остальное – приложится. Да, зарабатываю я неплохо, и уже давно. Вот и выстроил себе... У тебя, кстати, все впереди. Ты успел сделать шаг в нужном направлении. И ежели ничего неприятного не случится, в ближайшее время можешь начинать себе строить фамильное гнездо. И жалованье позволит, и с кредитами поможем, и подрядчика посоветуем, который и дело знает, и сверх допустимого не украдет. Однако это тоже лирика. А сейчас говорить будем про другое.

А из «другого» следовала вещь в принципе простая, Максиму уже и раньше как бы очевидная, только впервые сейчас произнесенная вслух и человеком, из уст которого воспринималась как данность и почти как приказ. Пусть и не облеченный именно в эту форму.

После исчезновения Ляхова доктор Бубнов остался единственным организатором и исполнителем программы «Верископ». Впрочем, теперь она имела и другое кодовое название и именно сейчас приобретала решающее значение. Даже потерю Тарханова Чекменев мог восполнить гораздо быстрее и проще.

– А тебе, доктор, придется отныне быть, аки господу богу, единым в трех лицах. И главным теоретиком, и главным конструктором, и администратором высшего класса.

Некого, понимаешь, просто некого больше к этому делу подключить. Моих инженеров ты знаешь, того же Генриха, они в твоём распоряжении. Любые производственные мощности, само собой. И вообще полный карт-бланш в пределах программы. Моим конкретно именем, а потребуется – и Великого князя. Соответствующие бумажки ты получишь. О средствах – никаких ограничений. Но и вся ответственность на тебе. Раскрутишься, тем же самым способом себе помощников найдешь – твоё счастье. Срок же на все – месяц.

– На что – месяц? – удивился Максим. – На изготовление и налаживание аппаратуры?

– Не понял, – с долей сожаления сказал генерал. – Ты меня не понял. На всю программу – месяц. То есть, – он мельком взглянул на часы, подпернув манжет рубашки, – пятнадцатого октября сего года мы должны завершить подбор кадров. Согласно спецификации... – Игорь Викторович извлек из нагрудного кармана футлярчик с кристаллом внешней памяти для вычислительной машины.

Максим протянул руку, но Чекменев с невозмутимым лицом опустил его обратно в карман.

– Через неделю доложишь мне о готовности механической, скажем так, и организационной части, тогда и получишь. «Не умножай сущности сверх необходимого».

А теперь слушай, как я все это себе представляю. Считаю, это последний дружеский инструктаж. Дальше все переходит в малоприятную область боевых приказов и, соответственно, вытекающей отсюда ответственности. Причем, к твоему глубокому сожалению, момент, когда возможно было соглашаться или отказываться от предложенной чести, давно миновал. Так что теперь только – или грудь в крестах, или голова в кустах.

Как это ни показалось бы Бубнову странным еще несколько месяцев назад, столь жесткая, хотя и облеченная в максимально вежливую форму, постановка вопроса особого внутреннего протеста у него не вызвала.

Он уже начал понимать, что такое служба. Настоящая, не медицинская, где ты самый умный, а прочие начальники, с другими погонами, верят тебе на слово.

Не сам ли он недавно в гораздо менее деликатной форме разговаривал с вверенными его руководству офицерами?

– Так что, продолжим? – как ни в чем не бывало потянулся к бутылке Чекменев.

– Извините, господин генерал, – неожиданно для самого себя ответил Максим. – При данной постановке вопроса я предпочел бы поехать домой, отдохнуть, подумать. А с утра приступить к работе. Где прикажете разворачивать лабораторию?

– А где бы ты хотел? Тот домик, где ты уже работаешь, тебя не устраивает? – Чекменев, как показалось Максиму, посмотрел на него с уважением.

– По площадям и масштабу предстоящей работы – нет. Мы же на поток дело ставим. У вас на базе, в Синем доме, кажется, есть своя медчасть?

– Разумеется. И довольно приличная.

– Вот я и хотел бы, чтобы мне выделили примыкающие к ней помещения. Комнат двадцать. Оборудовать аналогично. Ну, прикажите командиру или начмеду, они знают, как без больших трудов и затрат создать нужное впечатление у простых пациентов. Кушетки, столы, шкафчики с инструментами, разные картинки и таблицы на стенах. Я потом подкорректирую в соответствии с легендой. Завтра же в районе полудня мне потребуется не менее пяти большегрузных машин и взвод бойцов, обученных переноске хрупких и взрывоопасных изделий. Заявку на дополнительное оборудование позвольте вручить вам или уполномоченному вами лицу послезавтра.

Все это Максим говорил официальным голосом, уже стоя. Чекменев наблюдал за ним с благодушным удивлением.

– И самое главное, господин генерал, в полное мое распоряжение потребуется откомандировать человек двадцать слушателей пятого-шестого курса Военно-медицинской академии. Лучше, конечно, под благовидным предлогом направить предвыпускной курс целиком, якобы для прохождения медицинской и мандатной комиссии для отбора кандидатов на какую-то специальную службу. Вещь почти обычная. Вот их я и прогоню на аппаратуре, подходящих возьму себе в непосредственные помощники, часть использую как ассистентов, втемную, а заодно и узнаем, на что годятся и остальные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.